

18+

Анна Ефименко

Наследие
Джона Ди

Другой роман
об английской магии

18+

Анна Ефименко

**Наследие Джона Ди. Другой
роман об английской магии**

«Издательские решения»

Ефименко А.

Наследие Джона Ди. Другой роман об английской магии /
А. Ефименко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673294-0

Северная Англия, 1830 год. У мистера Годфри, неприметного работника лавки по продаже полудрагоценных черных камней с побережья Уитби, внезапно оказывается очень необычный предмет — настоящий магический артефакт доктора Ди, знаменитого придворного оккультиста XVI века! Как же с этим колдовским камнем поступит мистер Годфри, всегда тайно мечтавший посвятить свою жизнь изучению истории волшебства? И какие перемены принесет в жизнь обычного скромного человека кристалл от великого мага из прошлого? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-673294-0

© Ефименко А.
© Издательские решения

Содержание

«Меланхолия» (Альбрехт Дюрер, 1514)	6
Глава 1	7
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наследие Джона Ди Другой роман об английской магии

Анна Ефименко

© Анна Ефименко, 2025

ISBN 978-5-0067-3294-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ворону – от Делового,

месту с серыми облаками – от моих потраченных фунтов на ириски,

Иве – от Вороненка.

SAINOV, CZNS и прочим энохианским именам – от двадцати лет моего молчания и ожидания подходящего текста.

«Меланхолия» (Альбрехт Дюрер, 1514)

Глава 1

Лучшая собака много трудится, помогает в охоте и склонна к меланхолии.
– **Пьеро Валериано**

Дорогие читатели, сегодня я расскажу вам о мистере Годфри, провинциальном эсквайре сорока пяти лет от роду, который в 1830 году страстно желал переехать в Лондон.

Джон Годфри был тихим и неприметным человеком, который вел довольно скромную жизнь. Он изучал историю магии и биографии знаменитых волшебников своей страны, и к сорока с небольшим годам у него также был свой доход от семейного бизнеса. Он проживал в Уитби, на берегу холодного моря, в доме вместе со своим старшим братом и его многочисленной семьей, и здесь же он и работал. Действительно, если не упоминать магию, мы можем подумать, что герой нашей сегодняшней истории со стороны казался человеком абсолютно обычным, если не сказать – заурядным.

Известно, что многие увлеченные магией люди склонны к вызывающим действиям и к желанию вести себя демонстративно, но мне радостно сообщить вам, что мистер Годфри не подходил под этот шаблон. Ведь он не хотел никого беспокоить, никого поражать или заставлять чувствовать себя неловко. Действительно, все, что он стремился сделать – это вызвать у других людей хотя бы немного энтузиазма по поводу своего любимого предмета изучения – ангельской магии великого волшебника Джона Ди.

Но мы забегаем вперед. Начнем с самого начала.

Кем же был этот мистер Годфри, спросите вы? Почему его привлекла столь необычная тема для исследований? Что ж, я вам расскажу.

Джон Годфри, как уже говорилось, родился на севере страны, в Йоркшире, неподалеку от небольшого портового городка под названием Уитби. Это было хорошее место для китобойного и рыболовного промысла, а также для кораблестроительного бизнеса. Но это место также славилось и тем, что там уже много лет добывали черный гагат – полудрагоценный камень, темный и блестящий, который совсем скоро, во второй половине XIX столетия войдет в моду как обязательный элемент распространившейся при королеве Виктории «траурной» моды. Однако, хоть и события нашей истории произошли раньше знаменитой викторианской эпохи, тем не менее, добыча самоцветов близ Уитби приносила жителям окрестных земель прибыль задолго до того, как аксессуары похоронного черного цвета обрели невиданную доселе популярность.

Семья Годфри поколениями занималась добычей и обработкой гагата в своей небольшой мастерской, а после продавала камни частным ювелирным лавкам. Жили они небогато, а работали много. Ютились в арендованном двухэтажном домике, да принадлежали к ремесленническому сословию. Внешне все мужчины в этой семье отличались высоким ростом, хмурым видом и черными как смоль волосами. Они были работящими и серьезными, а больше никто ничего о них не мог сказать. Когда в 1782 году Мартин Годфри женился на Джоанне Аск, у них вскоре родилось двое сыновей – Уильям и Джон. Младший и станет главным героем нашей сегодняшней истории.

Йоркшир был далеким от столицы северным графством, а обработка полудрагоценных камней не оставляла простора для амбиций – как интеллектуальных, так и (тем более!) духов-

ных. Однако, некоторые странные слухи все же сопровождали даже такую ничем не примечательную семью. Говорили, что один из братьев Годфри-старшего когда-то давно еще подростком ушел на пустоши, да там и пропал¹. Говорили, что годы спустя этого самого пропавшего брата мельком видели в центре Уитби, но он тогда уже носил другое имя. Говорили, что этот человек связал себя с колдовством и иными аморальными профессиями.

Еще будучи ребенком, Джон Годфри (по иронии судьбы его печально известного дядю тоже изначально звали Джон Годфри – хотя сам он никогда об этом не помнил, предпочитая позже называть себя Джек Винтерсмит), затаив дыхание, с восторгом слушал эти досужие пересуды про его исчезнувшего на вересковых пустошах таинственного родственника-колдуна. От этих сплетен родители Джона хоть и открещивались, но с годами делали это уже как-то вяло, как поступают с давно надоевшим (и привычным) проклятием. Отец не хотел рассказывать сыновьям ничего, что могло бы их смутить, привести к неверному пониманию своего места в мире или же бросить тень на их репутацию в будущем, поэтому юный Джон не мог воображать себе слишком много подробностей по этому поводу.

Однако годы шли, и постепенно туманная фигура родственника-волшебника, которого никто в глаза никогда не видел, обрела в мыслях Джона вполне ясные очертания. Да ведь он нашел себе **НАСТОЯЩЕГО** волшебника, которым мог восторгаться и на которого так желал походить! Им стал математик, астролог, ученый и прославленный оккультист елизаветинской эпохи доктор Джон Ди.

Видите ли, еще в школе (куда ему, в отличие от многих его ровесников, вообще повезло попасть) молодой Джон Годфри изучал самые обычные для ребенка из его непритязательного сословия предметы: чтение и письмо, а также географию, математику и историю. Школа была маленькой и частной, существовавшей на благотворительных началах местной церковной общины, так что обучение в ней могли себе позволить оплатить даже самые малоимущие ремесленники.

Мальчику нравилось учиться, и на одном только получении знаний, будь его воля, он бы и ограничился (ибо вооруженные палкой старосты, регулярно бьющие младших учеников «для поддержания дисциплины», не способствовали укреплению любви к школьной скамье). Джон в целом справлялся сносно со всеми предметами, но больше всего он любил историю. Чем больше он слушал рассказы учителя о минувших эпохах, тем сильнее внутри него разгорался интерес и крепла очарованность тем, *что когда-то существовало, но чего больше не было рядом*. Узнавать о великих правителях, о сражениях и событиях прошлого было похоже на открытие ворот в какой-то совершенно другой мир, и, как только это чувство захватило ум и сердце юного Джона Годфри, оно уже не отпускало его никогда.

Так вышло, что из всех выдающихся людей, о которых рассказывал на уроках учитель истории, Джону почему-то большего запомнился самый, казалось бы, неоднозначный человек. Это был не король, не духовник, не путешественник и не полководец. Не предприниматель и не пират. Не художник и не святой. Нет! Из всех известных англичан в истории младшему сыну ремесленника из окраинного портового города приглянулся, ни много ни мало, **ВОЛШЕБНИК**. Придворный астролог королевы Елизаветы по имени Джон Ди, гений математики и технических вычислений, который, по слухам, в XVI веке изобрел некую «ангельскую магию» и даже «ангельский язык».

Как необычно. Как интересно! Личность доктора Ди манила и притягивала юного Годфри, живущего спустя двести с лишним лет после прославленного оккультиста. Сколько раз

¹ Об этом самом человеке подробно написано в книге вашей покорной слуги «Северная Дорога. Роман об английской магии», где он является одним из главных героев по имени Джек Винтерсмит.

мальчик воображал, что мастерская отца – это настоящая алхимическая лаборатория, а куски черного гагата – грубый свинец, которому суждено при помощи магии превратиться в золото? Сколько раз он тренировался подписываться, как настоящий волшебник (к тому же тезка!), выводя чернилами не «Джон Годфри», а «Джон Ди»? Сколько раз он представлял, как и сам когда-нибудь сумеет рассчитывать движения звезд и понимать таинственные символы? Как часто при решении множества задач, которые подкидывала ему жизнь, он думал: «А как бы справился с этим всем доктор Ди?..» Сколько раз все это повторялось? Ах. Боюсь, что ответы на эти вопросы знал только сам мистер Годфри.

И все же заметим, что этот интерес юноши к магам (и магии) считался в обществе не слишком-то уважаемым. Годфри не был знаком с образованными джентльменами, которые собирались в своих ученых клубах и обсуждали удивительные ритуалы из прошлого. (А кто в Уитби вообще был знаком с такими людьми?!) Увы, вместо этого единственным, кто мог бы проконсультировать Джона Годфри касательно магии, оказался бродячий предсказатель, который постоянно околачивался на верфи, где продавал заговоры на любовь женщинам и узлы с морским ветром суеверным морякам.

Этот волшебник носил имя Зеленый Джек (хотя некоторые утверждали, что Зеленый Джек на самом деле был крещен как Томас Инглби и он был сыном старого пастуха Сэма Инглби, живущего близ церкви Святой Марии в Уитби).

И вот однажды пятнадцатилетний Джон, скопив немного монет, задал бродячему магу вопрос, который обдумывал много месяцев.

– Как мне, сэр, – спросил черноволосый юноша, – стать таким же, как доктор Ди?

На это Зеленый Джек загадочно улыбнулся и подмигнул пареньку:

– Что ж, сынок, давай разберемся, – сказал он. – Доктор Ди жил в Лондоне, бывал при королевском дворе. Говаривали, у него была огромная библиотека, самая большая в стране. И что в учености не было ему равных. Поэтому тебе, ежели хочешь быть как доктор Ди, надобно, чтобы твой старик определил тебя в университет да дал тебе жилье в Лондоне. Ну и еще читай много-много разных умных книжек. Только так ты добьешься своей цели!

Можете себе представить, как долго (и в каком удрученном состоянии) Джон Годфри потом размышлял над этим ответом? Однако, ему потребовалось еще несколько лет, чтобы окончательно потерять надежду, что он, в своей эпохе, со своими финансовыми и умственными данными, хоть когда-то сумеет приблизиться к образу своего кумира. Из всего перечисленного бродячим колдуном Джон не мог себе позволить ни университета, ни Лондона. Единственное, что он мог себе позволить из упомянутого – это «много-много разных умных книжек». И именно этим он и занимался все свое свободное время в грядущие десятилетия – читал, читал и еще раз читал.

Шли годы, и учеба в школе осталась позади. В мастерской отцу помогал брат Джона, Уильям, и вскоре почти весь семейный бизнес сосредоточился в его руках. Джону же предстояло как-то обустраивать себе будущее, и, по настоянию родителей и брата, он поступил служить на флот.

Мы не будем углубляться здесь в подробности этого периода жизни мистера Годфри, отметим лишь, что это были крайне несчастливые годы на службе. Ни полезных знакомств, ни друзей среди флотских Годфри себе не завел; по складу характера он совершенно не годился для армейских сообществ; однако он хорошо проявил себя в расчетах и штурманском деле (ведь и сам доктор Ди славился обширными познаниями в области морской навигации и метеорологии – говорили, что он даже наслал проклятье на Непобедимую армаду, хотя скорее всего, его участие в этом, если оно и было, обуславливалось глубоким знанием погодных явлений).

Но служба на флоте не приносила мистеру Годфри ни радости, ни удовлетворения. Пока его одиозный дядя Джек Винтерсмит (если кто-то из вас вспомнит предыдущие книжки вашей покорной слуги, дорогие читатели) разъезжал по Болотному краю, создавал амулеты и обучал пасторских жен колдовству, его незадачливый племянник с черными волосами, хмурым лбом и хилым здоровьем в это самое время корпел над расчетами корабельных маршрутов и уже давно не верил, что судьба приготовила ему какую-то другую, более интересную участь.

Для бедного Джона Годфри мечты изучать жизнь волшебников XVI века и их магию были разбиты вдребезги.

И здесь нам необходимо также уточнить, что при всем стремлении мистера Годфри приблизиться к достославному образу доктора Ди, на свете, пожалуй, не было человека, менее похожего на доктора Ди, чем был мистер Годфри.

Посудите сами – доктор Ди являлся прославленным выпускником Кембриджа, создавшим для пьес Аристофана в университете столь искусные механические декорации, что его заочно считали колдуном за феноменальный инженерный талант в том числе! Уже в юности Ди читал в Европе лекции об эвклидовой геометрии. В совсем молодом возрасте он, за свои ученые заслуги, был представлен монархам и самым важным лицам государства. Джон Ди жил в столице, был трижды женат и имел восемь детей. И да, несмотря на свой амбивалентный образ «колдуна», в начале своей жизни он построил действительно великолепную карьеру при дворе, стал советником и астрологом самой королевы Елизаветы Тюдор (правда, королева никогда не даровала ему денег, как другим своим придворным; доктор Ди жил достаточно аскетично и всегда имел много долгов). С дошедших до нашего времени портретов Джона Ди на нас всегда смотрит спокойное и умиротворенное лицо истинного мудреца.

Правда, в последние годы жизни, когда эпоха Возрождения с ее мистицизмом, идущим рука об руку с наукой, сменилась новым веком и его Охотой на ведьм, и когда после Елизаветы Тюдор трон занял король Яков Стюарт, доктор Ди попал в немилость. Он был заклеямен как колдун и чернокнижник новым королем, панически боявшимся любых упоминаний о магии, и умер в позоре и полнейшей нищете – так великая слава ученого сменилась его публичным бесчестьем.

Джон Годфри, герой нашей сегодняшней истории, не обладал ничем из перечисленного. Конечно, ему невероятно повезло уже в том, что он хотя бы закончил школу (ведь многим другим детям работников по камню не удавалось и этого) и после успешно сдал письменные экзамены на службу в Королевском флоте. При дворе, да даже просто в Лондоне он отродясь не был. И никаких надежд на то, что мистер Годфри связал бы себя узами хотя бы одного брака (не говоря уж о трех!) тоже не предвиделось. Жил он по средствам, в долг никогда не брал и, как мог, сторонился всякой опасности для своей репутации. Навлечь на себя подозрения со стороны не то что короля, но вообще любых органов власти он боялся в высшей степени, и потому старался не попадать в рискованные ситуации почем зря. Никаким особо мудрым лицом он также не обладал. Мистер Годфри был высоким, сухощавым, слегка сутулым мужчиной средних лет с выдающимся горбатым носом и черными как смоль прямыми волосами. Он был близорук, носил очки и имел привычку не спать допоздна, читая очередную книгу (что лишь сильнее портило его зрение, поэтому с очками он практически не расставался).

Поэтому в том, что мистеру Годфри пришлось провести половину жизни за расчетами корабельных маршрутов, а не королевских гороскопов, не было также ничего удивительного – ведь и биография у него была совершенно иная: куда более приземленная и куда менее интересная. Некоторым утешением было то, что его, как и доктора Ди, занимали вычисления – и Годфри крайне гордился тем фактом, что доктор Ди давал практические советы в этой сфере мореплавателям, инженерам и ремесленникам своего времени. Эпоха Ди благоволила матема-

тике и числам, и ученый-маг сам цитировал в печати Пико делла Мирандолу: «С помощью числа можно найти путь к познанию и пониманию каждой вещи, которую можно познать»². Сами по себе измерения и вычисления нравились мистеру Годфри, чего, однако, никак нельзя было сказать о суровой флотской дисциплине и муштре.

Возможно, Королевский флот мог прититься по душе тем, кто испытывал страстную тягу к дальним странствиям и экзотическим культурам. Увы, Джон Годфри не имел склонности ни к тому, ни к другому. Еще в самом начале службы его как-то раз приписали к кораблю, следовавшему в колонию, и всей команде предстояло провести около шести недель на берегу Бенгальского залива, ожидая, пока распоряжения лорда-адмирала будут исполнены как должно на далеких просторах Империи. Там, в Мадрасе, мистер Годфри, без того не отличавшийся крепким здоровьем и на дух не переносивший ни местный жаркий климат, ни незнакомую еду, ужасно заболел. Команда начала уж было подозревать малярию и спешно искать другого штурмана с пришвартованных поблизости британских кораблей.

Однако все обошлось. Тем не менее, с тех пор мистер Годфри старался без особой надобности не покидать страну, и после увольнения со службы он вскоре переквалифицировался в навигатора торговых китобойных судов, базировавшихся на верфи в Уитби, в местном офисе чертежников и штурманов. Это позволяло не покидать дом и вместе с тем давало хотя бы некоторую свободу от привычной для флота суровости.

Мир двигался дальше. В 1816 году Ла-Манш пересек первый пароход, и вскоре колесные пароходы начали вытеснять привычные всем корабли. Северные фабричные города и шахтерские поселки родного Годфри Йоркшира становились все менее пригодными для жизни. Цены росли, а условия труда и его оплаты – ухудшались. Народ начинал роптать, появлялись первые профсоюзы. Все новостные сводки того времени сочли тревогой, репрессивными законами и дурными предчувствиями. На георгианский небосвод Англии напозлали зловещие чернильные тучи.

Но не будем слишком печалиться о тех тяжелых годах жизни Джона Годфри, ведь у судьбы, как наверняка знает каждый из нас, всегда припасены свои неожиданные повороты. И наш герой, что бы он ни думал, исключением не являлся. После наполеоновских войн, к концу 1810-х семейный бизнес Годфри, как ни странно, заметно пошел в гору. Их дела улучшались, казалось бы, вопреки всему тому упадку, охватившему страну на много лет после Ватерлоо. Годфри процветали вопреки рецессии. Вопреки Хлебному закону и ценам на еду (среди беднейших слоев населения бушевал сильнейший голод: однажды протестующие даже пронесли в сторону лондонского Сити окровавленную буханку хлеба как символ своих страданий!). Вопреки ВСЕМУ. Мастерская Годфри работала стабильно, несмотря на беспорядки всех мастей: митинги за расширение избирательного права, марши против правительства или же мятежи луддитов, разбивающих на фабриках станки, лишившие их рабочих мест... Но ни единого стекла не было выбито в мастерской семейства Годфри на набережной Уитби. Ни единого месяца не проходило без получения дохода. Вопреки всему творящемуся хаосу (недавняя война с Наполеоном, кажется, была забыта почти сразу же после ее окончания) благосостояние гагатовой лавки Годфри неуклонно росло, и в конце концов этой трудолюбивой предпринимательской семье даже пожаловали грамоту о владении небольшим участком земли в Уитби.

О! Как необычно! Да ведь теперь Уильям и Джон Годфри (их родители уже скончались к тому времени, и мастерской управлял старший сын) именовались «эсквайрами», и то было воистину знаменательное событие. Теперь семейство, пусть и осиротевшее, но численно увеличенное – ведь Уильям к тому времени уже обзавелся женой и тремя детишками – смогло

² John Dee, *The mathematicall praeface to the Elements of geometry of Euclid of Megara* (1570).

переехать в гораздо более просторный дом. Там они обустроили на первом этаже уже свою собственную лавку для продажи изделий из черного гагата, а не сотрудничали больше с другими местными ювелирами. **Своя собственная витрина**, подумать только! А какие же искусные броши, бусы, кулоны из черного камня там продавались! А какой тонкой работой были вырезаны на этом черном камне розы, меандры и другие орнаменты!.. Итак, семья взяла все дело целиком в свои руки. Добычу камня для них теперь осуществляли уже наемные работники, а сами же хозяева бизнеса сосредоточились частично – на ювелирных, и полностью – на управленческих вопросах.

Поэтому Джон Годфри наконец-то смог покинуть штурманскую службу. Ему было сорок, а его брату требовался помощник для управления семейным бизнесом – кто-то, кто был бы в ладу с цифрами и расчетами. Годфри не пришлось даже особо спрашивать, его попросту поставили в известность, а иной альтернативы у него не было – в конце концов, он жил в том же самом доме, где обитал и Уильям с женой и детьми.

В этом доме Джон Годфри занимал угловую комнату на верхнем этаже и просыпался каждое утро от одного и того же: от крика чаек, от ругани конюхов на улице, от шума, устраиваемого подрастающими отпрысками Уильяма, да от стука колотильщика по окнам, за пенни в месяц будившего рабочих верфи, извозчиков и сотрудников частных мастерских.

Если кто-то ждет от покоев человека, увлеченного магией, каких-то необычных предметов внутри – вроде волшебных котлов или алхимических склянок, то, мне жаль вас разочаровывать, но комната Джона Годфри выглядела совершенно обычной. Недорогая кровать с балдахинном; письменный стол в углу рядом; пара пейзажей на стенах; несколько полок, заполненных книгами (Годфри бережно следил за своей библиотекой – все книжные полки в его комнате были со стеклянными дверцами, чтобы защитить бумагу от морского воздуха). Также в спальне был скромных размеров камин, щедро топить который мистеру Годфри дозволялось только когда он болел – во всех других случаях Мэри, жена Уильяма, несмотря на приличный доход семьи, считала подобную трату угля непристойным транжирством, поэтому здесь, как и в любой английской спальне, как правило, было довольно прохладно. На каминной полке стоял ряд камней, ракушек и морского стекла – еще добытых в детстве сокровищ мальчика, живущего у моря. Водились в этой коллекции и колотые аммониты, и белемниты, называемые в народе «дьявольскими пальцами» – склонность ко всему старинному наделила Годфри любительским увлечением собирать морские окаменелости.

В этой угловой комнате была, однако, лишь одна вещь известная и мистическая, правда, на нее тоже никто не обращал особого внимания. На стене Джона Годфри, помимо пейзажей, висела также копия гравюры Альбрехта Дюрера «Меланхолия» (*Melencolia I*), созданной в 1514 году. В ней, безусловно знакомой и доктору Ди, живущему в том же столетии, Годфри находил величайшее объяснение своей личности и характера.

Видите ли, в господствовавшей в Средние века галеновской психологии людские темпераменты делились на четыре типа: сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик. И эти типы соответствовали также четырем стихиям и четырем планетам. Данная теория была тесно связана с астрологией (и мистер Годфри узнал о ней как раз читая об астрологических опытах доктора Ди).

Сатурн, управляющий гороскопом мистера Годфри (считать звезды по датам оказалось не сложнее, чем считать звезды для навигации кораблей), был самым несчастным и далеким от мира обычных людей. Сатурн сеял препятствия и помехи в любых вопросах, находящихся в его власти, Сатурн подавлял, Сатурн был темен и холоден, ибо до эпохи современной астрономии именно он стоял дальше всех от солнца. Сатурн и был меланхолией. Люди «меланхоли-

ческой комплекции», сатурнианцы, описывались как смуглые либо черноволосые. И на своей гравюре Дюрер изобразил меланхолика в характерной позе, выражающей печаль (фигура поддерживает свою задумчивую голову рукой), тогда как свернувшаяся гончая у ног меланхолика символизировала обуздание своих чувств, запрет на выражение страсти. Что же касалось «даров» Сатурна, то ими были умения считать и измерять, исчислять и делать расчеты. Атрибуты подобного были видны и на гравюре – фигура держит инструменты для измерения и подсчета, при ней также есть кошель с деньгами (сам Дюрер объяснял предметы на своей гравюре: «Ключ означает силу, кошель – богатство», но эти сила и богатство в сатурнианской философии происходили от таких добродетелей, как скромность и постоянство). Морской пейзаж на гравюре тоже подходил для Сатурна и его меланхолии – ведь по мнению классических и арабских астрологов, древний бог Сатурн, бежавший в Лаций по морю, считался также владыкой моря и покровительствовал тем, кто живет у воды либо занимается ремеслами, связанными с морем. Вполне очевидно, что Джон Годфри, одинокий человек с черными волосами, живущий на побережье Уитби, сочетавший в своей жизни обязанности морского штурмана и бухгалтера, находил в себе много общего с подобной концепцией.

И, что интереснее, согласно все тому же ренессансному мистицизму, именно Сатурн мог даровать человеку познать божественное, прикоснуться к истинной магии. «Печать Сатурна», меланхолию, воспевали как признак гениальности. Религиозные пророки, великие поэты и мыслители – все были меланхоликами. Все были сатурнианцами. Темное лицо «божественнейшей меланхолии» Мильтона умирало чувства, скрывало свой святой лик и существовало за счет «скудной диеты». И, конечно же, доктор Ди (чья фамилия на валлийском языке означала «черный», «темный»), аскетичный математик-вычислитель, без сомнения, считался классическим *вдохновенным меланхоликом*.

Потому-то именно «Меланхолия» Дюрера, вдохновленная Сатурном и вдохновлявшая доктора Ди и многих его ученых-современников, не могла спустя триста лет не вдохновить и мистера Годфри, пусть и лишь в угловой комнате дома на берегу Северного моря, где кроме коллекции окаменелостей и нескольких книжных полок не было больше решительно ничего интересного.

Как мы уже могли заметить, бытовые запросы нашего героя были достаточно скромны. Но даже это не помогало ему снискать больше милосердия в этом доме. Ведь, увы, другая беда заключалась в том, что Джон Годфри не ладил со своим старшим братом.

Уильям, будучи наследником отцовского дела, во всем выглядел как надежный и респектабельный по меркам общественного мнения человек. У него была прекрасная супруга, двое сыновей и дочь, и он вел процветающий бизнес, по праву унаследованный им от родителей. Он принимал участие в собраниях городских ремесленников и торговцев у магистрата, где к его аргументам внимательно прислушивались. Лицо Уильяма часто казалось излишне раскрасневшимся, бакенбарды у него были пышными, тон голоса – резким, а бархатный жилет – всегда немного тесноват в талии.

Джон Годфри же был совсем другим. С гладко выбритым, слегка осунувшимся скуластым лицом, долговязый и сутулый, казалось, он всегда стремился занять как можно меньше места в пространстве. Еще он имел сильную склонность к простудам, не переносил сквозняков и, дабы не рисковать здоровьем лишний раз, несколько лет назад даже бросил курить трубку, хотя очень любил это дело и потратил немало сил на то, чтобы распрощаться с вредной привычкой.

У Уильяма и Джона Годфри была разная внешность, разная манера поведения, разный образ жизни, разное ВСЕ. И, тем не менее, два брата были вынуждены не только проживать под одной крышей, но теперь еще и вести совместный бизнес, будучи уже совсем взрослыми людьми. А это неизбежно приводит к конфликтам. Уильям Годфри обладал властным, деспотичным характером – качеством, важным для управляющего, однако не очень приветствуемом

в быту. Со своей женой и детьми Уильям не проявлял это качество часто, однако своим младшим братом он всегда любил командовать и помыкать. Тот же, четко осознавая, что, помимо этого жилища и своей доли от семейного дела, он не обладает никакими сбережениями или перспективами (а в штурманы он не хотел возвращаться ни при каких обстоятельствах), старался, как мог, угодить старшему брату и по мере возможности ему не перечить.

В конечном итоге послушание принесло Джону Годфри кое-какие преимущества. К 1829 году, когда о войнах с Европой было уже забыто, королевский трон вместо безумного Георга III занимал бывший принц-регент, а благосостояние страны и ее торговые связи медленно, но верно восстановились, гагатовую лавку семьи Годфри вновь благословила счастливая звезда. Да ведь Уильям теперь задумал открыть небольшие магазины с продажей их изделий по всей стране! Он уже вел переговоры с дельцами из соседних северных графств и даже из Уэльса. Но, конечно, больше всего Уильяму Годфри хотелось открыть точку продаж в Лондоне. И его младший брат, вопреки их сильным различиям и частым недопониманиям, всецело эту мечту поддерживал.

Ведь, пусть он и потерял веру в Зеленого Джека и уличных предсказателей, он не потерял свою любовь к магии елизаветинской эпохи. Он по-прежнему старался прочесть все, что мог, про доктора Ди, и собрал небольшую, но очень достойную библиотеку подобных книг. И мистер Годфри не собирался останавливаться в изучении интересующей его темы.

Потому-то его так и притягивал Лондон.

А разве могло быть иначе? Когда вы всю жизнь видите лишь маленькие, скудно заполненные стеллажи в вашей городской библиотеке, то библиотеки Лондона – это же наверняка шокирующее своим изобилием зрелище. Ведь там не только роскошная мебель и высокие окна, но и огромные книжные шкафы вдоль каждой стены. Ряды и ряды книг по истории! По истории МАГИИ! И все эти книги расставлены самым приятным для глаз образом. Какое наслаждение, должно быть, взять такую книгу с полки и сесть в одно из удобных мягких кресел, и на несколько часов действительно погрузиться в далекий XVI век!..

Джон Годфри никогда не был в Лондоне и мог только мечтать о столичных библиотеках. В Уитби мало что можно было почитать о докторе Ди, однако один местный нотариус, мистер Рич (с которым Годфри свел дружбу и с которым изредка ужинал в таверне, обмениваясь новыми поступлениями в их книжные коллекции) собрал копии практически всех публикаций прошлого века об известных оккультистах. До этого момента мистеру Годфри приходилось довольствоваться лишь несколькими тонкими изданиями да переписанными от руки заметками. Но и сейчас он все равно с трудом мог представить, что существуют такие внушительные собрания книг по истории магии, которые могли бы заполнить целую комнату!

Редкие поездки из Уитби в соседний Йорк тоже не могли удовлетворить книжную жажду мистера Годфри. Он не нашел там никаких книг про ангельский язык, изобретенный доктором Ди. Мистер Рич, тот самый нотариус, несмотря на собственный интерес к этой теме, понятия не имел об этом языке. Конечно, Рич и Годфри оба считали себя теми самыми «сатурнианскими меланхоликами», которые, подобно елизаветинским дворянам, искали в изучении наук тайный волшебный смысл. Но, хоть мистера Годфри и мистера Рича связывала и тяга к глубочайшему познанию, и довольно аскетичная жизнь, разгадка ангельского языка была им по-прежнему неподвластна.

Потому-то последние годы мистер Годфри и вел обстоятельную переписку с некоторыми антикварами из Лондона. К этой профессии он также издавна относился с особым пиететом и с восторгом зачитывался трудами прославленных антикваров прошлого – например, исследо-

вательскими эссе Джона Обри³ или же «Великой Хроникой Англии» Джона Стоу⁴. Сам не имея даже надежды когда-нибудь приблизиться к столь желанной для себя профессии, мистер Годфри почувствовал небольшой оптимизм, когда антиквары из его современников постепенно начали собираться в целые ученые сообщества. (О, и если бы только мистеру Годфри представилась честь стать участником одного из таких собраний!) Чуть позже, в переписке, он даже познакомился с теми, кто покупал на аукционах различные артефакты и записи самого доктора Ди. Иногда что-то из таких новаторских исследований про Ди и его ангельский язык доходило до Годфри в письмах от Общества Антикваров. Но, к сожалению, все эти многомудрые прекрасные джентльмены жили в Лондоне, а Лондон был далеко.

Именно поэтому, узнав, что брат вознамерился открыть бизнес в столице, мистер Годфри тут же предложил свою помощь в ведении этих проектов на новом месте. Уильяму такое предложение было лишь на руку, ведь он не хотел покидать семью и к тому же ему нужно было следить здесь за работниками по добыче камня. Посему было решено, что, как только будут заключены необходимые договоренности, Джон Годфри отправится в Лондон, к огромному удовольствию всех, включая (в кои-то веки!) и его самого.

Ибо, хотя магия, возможно, и не существовала в настоящем, ее все еще можно было найти в прошлом; и Джон Годфри, который в любую свободную минуту своего времени читал, читал и еще раз читал, ждал переезда с огромным нетерпением.

Ему было сорок пять. Служба на флоте и будни коммерческого штурмана остались позади, а склонность к простудам лишь усилилась. По вечерам он выходил на набережную и, глядя на угрюмое море и тяжелый небосвод, молил: *«Забери меня»*.

Кому он это шептал? Кого просил? Увы, мистер Годфри и сам не знал. Он просто повторял сокращенный вариант своей молитвы, адресованной невесте кому, сочиненной им еще в далекой юности:

«Забери меня отсюда, от армейской муштры, от холодного чая, от скуки и одиночества, от розог, от тычков и насмешек. Забери меня из грязного портового города, от сквозняков, кашля и насморка, от вечного матушкиного ворчания, от отцовского ремня с тяжелой пряжкой, от старшего брата, дерущего за волосы. Забери, забери, забери. Чтоб сам себе хозяин и никто не указ. Чтобы быть как доктор Ди.»

Хоть, как вы уже поняли, мистер Годфри и был всего лишь непримечательным сорокапятилетним помощником торговца из провинциального городка, смею вас заверить, бездельником он отнюдь не был. Помимо ювелирной ручной работы (в которой он тоже в достаточной мере обладал навыками, несмотря на сильную близорукость), он исправно работал со счетами, вел все деловые переписки Уильяма, договаривался с продавцами и рабочими, улаживал банковские вопросы. И до этого, в годы навигаторской службы он проявил себя как исключительно внимательный и исполнительный человек. Как уже было замечено, все мужчины в семье Годфри славились трудолюбием и очень серьезным подходом к делам. Нужно ли мне говорить, что столь же серьезно мистер Годфри относился и ко всему, что касалось биографии его обожаемого доктора Ди и любых вещей, связанных с елизаветинским астрологом и его эпохой?

Что ж. Случилось так, что очередное письмо, пришедшее Годфри от Лондонского Общества Антикваров, упомянуло некий артефакт, недавно унаследованный одним джентльменом

³ Джон Обри (1626—1697) – исследователь британских древностей и антиквар.

⁴ Джон Стоу (1525—1605) – английский историк и антиквар.

от своего почившего родственника. Тот родственник – о, горе! – покончил жизнь самоубийством при туманных обстоятельствах, а наследник артефакта, к сожалению, вскоре тоже потерял рассудок, пристрастился к опиуму и практически все время пребывал в состоянии душевного расстройств. Он-то и продал предмет Обществу Антикваров по вопиюще низкой цене (несчастному требовалось как можно скорее обеспечить себя новой порцией опиума, поэтому он был готов расстаться с чем угодно за гроши). При продаже этот безумец клялся и божился, что сей артефакт (а именно: синий камень невиданной красоты размером с яйцо) принадлежал, ни много ни мало, самому доктору Ди!

Но даже несмотря на то, по какой цене каменный шар попал к лондонским антикварам, для обывателей он все равно стоил достаточно дорого, ибо содержал в себе драгоценную породу (правда, пока было неясно, какую именно). В кругах интересующихся подобными вещами было известно, что доктор Ди в своих ритуалах использовал многие «магические зеркала»: это был и стандартный хрустальный шар, и некий камень, якобы материализованный самими духами, и даже черный обсидиан ацтекского происхождения.

Поэтому мистеру Годфри, тут же изъявившему желание получить упомянутый артефакт в свое обладание (а иначе зачем Общество Антикваров написало ему об этом целое письмо, подчеркнув в конце, что их цена *будет выгодной для верных друзей нашего ученого сообщества?*), пришлось выложить за синий кристалл внушительную сумму. Однако, когда вещь все же к нему приехала, он был вне себя от счастья: ведь то, что доставили в Уитби из Лондона, действительно походило на самый настоящий магический шар, причем очень старинной и тонкой работы!

Обладая определенными познаниями касательно шлифовки и обработки камней, Годфри, надев очки и внимательно рассмотрев артефакт со всех сторон, понял, что шар действительно был изготовлен несколько столетий назад. И, если поднести его к свету свечи, ярко-синие сверкающие прожилки явно указывали на драгоценные вкрапления в кристалле! Конечно, всегда был риск, что его деньги мог присвоить себе обычный мошенник, пусть даже и из ученого сообщества (и не сам ли мистер Годфри когда-то уже заплатил Зеленому Джеку, шарлатану, за якобы «магические наставления»?). Но разве у нашего неудавшегося историка, опять-таки, был иной выбор? Разве он мог придиричиво выбирать, какие книги и артефакты считать достойными покупки, а какие – нет? Не было у мистера Годфри такого выбора, и поэтому такой покупке он был безмерно, безгранично рад.

К тому же где-то в глубине его души поселилась (правда, ничем толком не обоснованная) уверенность, что этот синий кристалл *действительно* принадлежал когда-то доктору Ди. Да и кто мог бы поспорить с этим? Ведь сам мистер Эшмолл писал в прошлом столетии о том, как он заполучил рукописи доктора Ди, которые семья одного кондитера совершенно случайно нашла в потайном отделении подержанного комода. А после еще бог весть сколько лет кондитеры выстилали этими драгоценными записями свои противни для выпечки хлеба! Наследие доктора Ди, вознесшегося к вершинам славы, но умершего в нищете и забвении, то и дело до сих пор находилось по всей Англии в самых неожиданных местах. И если уж Лондонское Общество Антикваров подтвердило подлинность артефакта, то у самого мистера Годфри вряд ли могли остаться сомнения в ценности того, чем он теперь обладал.

Это знание успокаивало Годфри, давало ему чувство причастности к миру волшебника, которого он боготворил, а также вносило какой-то важный, почти мистический смысл в его обыденную жизнь. Он хотел было похвастать своим приобретением перед мистером Ричем, но почему-то в последний момент передумал (действительно, почему же?) и решил сберечь драгоценный артефакт лишь для собственного внимания и использования.

Ох. *Использования*, спросите вы? Но как же мистер Годфри мог его использовать, если он почти ничего не знал об ангельской магии доктора Ди? И вокруг не было никого, кто мог бы его ей обучить. Что ж, пусть познания историка-самоучки и были скудны, однако они не были совсем уж ничтожны. Прежде всего Годфри знал самую важную вещь: он знал, что доктор Ди и его медиум Эдвард Келли в 1580-х годах занимались Великой Скрижалью, где были задействованы четыре силы (так называемые «сторожевые башни»), обозначающие четыре стороны света и, соответственно, четыре стихии: землю, воздух, огонь и воду.

Здесь, дорогие читатели, нам надобно остановиться и поговорить подробнее об этой самой магии. Что же она из себя представляла? Если вы не знаете об энохианской (как ее называют сейчас) магии доктора Ди (а я не знаю, зачем вам это знать), то для начала уточним, что эти практики подразумевали обращение к незримым силам с использованием загадочных имен на неизвестном человечеству языке. Именно этот язык и получил впоследствии название «ангельского» (или, позже, «энохианского»). Именно язык, а также использование квадратов, испещренных непонятными буквами и буквенными кодами, породили множество слухов о том, что доктор Ди был на самом деле английским шпионом, а не магом. И что во время своего пребывания на континенте (Ди вместе со своим духовидцем Эдвардом Келли провели несколько лет в Польше и Богемии, вызвав в Праге большой интерес со стороны императора Рудольфа II, негласного покровителя алхимиков, астрологов и колдунов) эти известные партнеры по мистицизму на самом деле занимались не вызовами ангелов, а шпионажем в пользу английской короны.

Как бы то ни было, имена духов, ангелов и названия стихий на изобретенном Ди языке действительно было невозможно перевести. И никто не знал, как этот язык и сокрытую в нем силу вообще можно освоить и воплотить в реальности.

Однако, другие вещи были вполне понятны человеку, более-менее знакомому с оккультной философией. Например, доктор Ди, как и многие ученые его эпохи, придерживался «универсально верной теории природы». Эта теория, дошедшая до нас от Аристотеля и популяризованная мистиком XIII века Раймондом Луллием, гласила, что все в мире состоит из четырех элементов – земли, воды, воздуха и огня. И через свойства этих элементов (или же стихий) можно обрести особые добродетели, которые они представляют. Однако, как именно это сделать, волшебники из былых эпох не сохранили точных указаний, и их потомкам по Ремеслу оставалось лишь бродить впотьмах, методом проб и ошибок постигая великое магическое искусство.

Но, если самому не пробовать и не учиться, то ведь ничему и не научишься, разве не так, дорогие читатели? Джон Годфри был именно такого мнения. Ему, полжизни проведенному на нелюбимой службе и под пятой старшего брата, очень хотелось когда-нибудь получить возможность опробовать на практике то, о чем он столько читал. Действительно, какое же сильное было искушение! Он думал об этом снова и снова, мысленно возвращаясь к своему синему кристаллу в шкатулке из красного дерева.

Но почему, вы можете спросить, непримечательный мужчина средних лет, такой, как Джон Годфри, бывший штурман, вообще должен был думать о практической магии?! Откуда столько соблазна было в этом прибывшем из Лондона артефакте? Ведь мистер Годфри интересовался лишь биографией доктора Ди, но сам не имел никаких талантов или навыков практикующего волшебника. Ни при каких обстоятельствах на свете, решим мы, не должно было быть особых причин, чтобы разум мистера Годфри снова и снова возвращался к шкатулке с синим кристаллом, которая стояла у его кровати. И все же... мне придется сообщить вам, что он думал об этом предмете довольно часто.

В тот момент, когда историк впервые увидел приехавший к нему кристалл и едва-едва прикоснулся к холодной каменной синеве, он почувствовал трепет, исходящий от кончиков его пальцев. Ощущение старинного, много веков назад созданного предмета под его пальцами вызвало такие немедленные и настойчивые чувства восторга, что он чуть не задохнулся от их силы!

Эти мысли не были новыми для мистера Годфри. Он всю жизнь испытывал подобный трепет, он помнил, как был маленьким мальчиком и с радостью целыми днями искал аммониты и другие доисторические окаменелости на берегу моря. Его старший брат Уильям однажды выбрал его за это, сказав, что хорошие мальчики должны помогать своим отцам в мастерской, а не шарить по набережной в поисках блеклых колотых камней, и именно тогда Джон Годфри впервые понял, что его увлечение старинными и древними вещами бесполезно и вызывает одни лишь упреки. Когда он стал старше, его взгляд неумолимо притягивали выставки предметов старины, развалины средневекового Аббатства в Уитби, старые кладбища с покосившимися от времени крестами...

Он никогда не решался тратить слишком много денег на подобные «безделицы» с точки зрения брата и родителей. Он не делился своим жгучим желанием заполучить *настоящие* волшебные инструменты ни с кем на свете, даже с самыми близкими друзьями вроде мистера Рича (несмотря на то, что они и познакомились на букинистической распродаже в Уитби, откуда мистер Рич унес отличную коллекцию изданий по астрологии XVII века). Не делился он этим желанием и, боже упаси, со своими сослуживцами в навигаторском штабе. Иногда Годфри даже всерьез опасался, не нанесут ли его склонности серьезный урон изучению истории, ведь разве мог уважающий себя джентльмен, поклонник просвещенной духовности Ренессанса, жаждать подобных вещей? И все же, он жаждал их. Жаждал прочесть исчезнувшие в веках гримуары, жаждал лицезреть ангелов в магических зеркалах. Только такие (и никакие другие на свете) мысли воспаляли его так, словно в его жизни наконец-то появлялся хоть какой-то смысл. Мистер Годфри знал, что подобные желания очень затратны и не очень уважаемы (особенно когда дело касалось практической магии и подобных суеверий), но он не мог перестать иметь их, никогда не мог перестать, за все годы своей жизни. Это было не то, что когда-либо могло бы в нем измениться.

И, видите ли, дорогие читатели, самая большая проблема заключалась в том, что мистер Годфри, ввиду своего финансового положения, совершенно ни при каких обстоятельствах не мог позволить себе купить действительно ценные вещи, сохранившиеся от наследия доктора Ди. Конечно, до него доходили различные слухи о перепродаже на частных аукционах четок из оливковых бусин, принадлежащих доктору Ди, и даже о восковом пентакле с именами ангелов, который использовался доктором Ди в ритуалах. Но все эти вещи были для состоятельных коллекционеров и оставались совершенно недоступны для Годфри.

Однако теперь один подобный артефакт впервые появился в его распоряжении. **Он обладал им.** Это чувство было столь новым и вместе с тем – столь пугающим, что поначалу историк вовсе не знал, как на него реагировать.

Вот почему Джон Годфри из семьи ремесленников-ювелиров в Уитби, бывший штурман и нынешний торговец, холостяк средних лет, тихий черноволосый человек со скромной жизнью, близорукостью и жесткими лодыжками, обнаружил, что его мысли снова и снова возвращаются к синему кристаллу. Да и почему бы ему об этом не думать, когда всего в нескольких шагах, в его собственной спальне лежало наследие настоящего волшебника, артефакт, с которым можно было поэкспериментировать вволю?

И вот однажды, тщательно вымыв руки водой из кувшина, Годфри наконец осмелился прикоснуться к артефакту *в ритуальных целях*. Взяв в обе ладони темно-синий каменный шар,

он решил призвать в кристалл одну из стихий. Пусть это и выглядело смешно, но все же он был полон решимости попробовать.

Да и разве мог в этом быть вред? Разве могли такие действия вообще как-то повлиять на обычную жизнь? Ведь сам мистер Годфри, при всей его очарованности елизаветинской эпохой, был еще также человеком *своей* эры технического прогресса. Человеком, владеющим грамотой. Человеком без склонности к народным суевериям. Он видел созвездия в небе не таинственными покровителями Зодиака, а путеводными знаками при расчете корабельных маршрутов. Он мог рассказать все о стоимости редкого камня, о способах его добычи и обработки, а не о его волшебных свойствах. Опыт с синим кристаллом мистер Годфри пока и вовсе не рассматривал как нечто магическое (или «трансцендентное», как сказали бы мы с вами сейчас, дорогие читатели), хоть в глубине души и надеялся, что магия все же существует. Но пока что для историка это был лишь еще один символический жест повтора судьбы своего давно покойного идеала из далекого XVI века.

И вот он, уединившись в своей угловой комнате, стал размышлять, какую же из четырех стихий призвать в шар. Так-так... Чего бы ему хотелось? Отложив на минуту кристалл обратно в шкатулку, мистер Годфри снял очки и потер переносицу, обдумывая свои самые дерзкие желания.

Что ж, в его желаниях не было ничего нового. Уильям ведь обещал назначить его своим представителем в Лондоне, разве нет? Так, может быть, стоило «поторопить» эти перемены в жизни?

Огонь! Точно. Нужна стихия огня!

Решено. Вот с какой стихии стоило начать работу с артефактом доктора Ди! Огонь в метафизике издавна считался элементом, задающим первый импульс. Огонь давал силу, которая станет топливом для последующих процессов. Огонь обеспечивал старт, начало, ту самую первую искру.

О! Как именно этого и не хватало мистеру Годфри! Какой безрадостной и предсказуемой была вся его прежняя жизнь! И, если он и так собирался вскоре переехать в Лондон, то разве не стоило дать волшебству шанс проявиться в таком важном начинании как можно скорее? И тогда, удовлетворившись своими выводами, мистер Годфри вновь положил себе на ладонь волшебный камень.

Кристалл мягко поблескивал в свете свечи, и мистер Годфри, собравшийся было произнести имя призываемого духа, на мгновение остановился, чтобы просто посмотреть на камень, провести по синим прожилкам холодной породы и погладить округлую, почти ледяную твердость кристалла, вздрагивая от странного ощущения под кончиками пальцев. Однако здесь было нечто большее, чем просто изучение волшебного предмета. Потому что само *обладание* подобным предметом вызывало в груди мистера Годфри самую яркую радость. Он обнаружил, что ухмыляется, как идиот, глядя на прекрасный синий шар, спокойно лежащий на его ладони. *Наконец-то, НАКОНЕЦ!* Наконец-то он полноправно владел тем, чего его сердце так горячо желало в течение стольких лет своей жизни.

Джон Годфри глубоко вздохнул, откинул со лба вечно падающую прядь своих черных как смоль волос, поднес синий камень к губам и прошептал нараспев: «*Bee-toh-ehm... Bee-toh-ehm...*»

Это было великое священное имя ВТОМ, имя духа огня со Скрижали 1587 года, имя на том самом ангельском языке...

Bee... Toh... Ehm...

Звуки имени вибрировали, наполняя комнату какой-то фантазмагоричной, почти карикатурно-магической атмосферой. Конечно же, мистер Годфри не был волшебником, однако ему понравилось само чувство причастности к обрядовым практикам. Ему нравилось хотя бы *повторять жест гения*. А о большем он и мечтать не смел.

Радость, которую он почувствовал в момент проведения своего скромного обряда, была неопишима. Джон Годфри испытывал двойное удовольствие: он словно только что сошел с корабля на экзотическую новую землю, неизвестную и полную захватывающих видов, но также он почувствовал, будто вернулся домой, чтобы отдохнуть у давно желанного очага. Оба чувства – открытие чего-то незнакомого и уютное возвращение домой, смешались внутри него и становились все сильнее с каждым мгновением.

И снова его мысли обратились к тому, каково это – самому быть могущественным заклинателем, держащим такой кристалл среди других своих магических инструментов? Каково было бы, если бы сам Джон Годфри мог повелевать стихиями и вызывать духов и ангелов? Как бы изменилась его жизнь, обладай он волшебным даром влиять на события по своей воле?

Ой. Ой. Грешный, несчастливый мистер Годфри развлекался такими тщеславными фантазиями!

Увы, кроме того, как призвать священное имя в кристалл, Годфри понятия не имел, что делать дальше. Никаких инструкций по таким обрядам уцелевшие рукописи не оставили, а импровизировать в таком тонком деле, как магия, наш неудавшийся историк не хотел. Поэтому он в очередной раз бережно убрал шар в шкатулку из красного дерева, специально купленную под этот артефакт, и вскоре вернулся к своим повседневным делам.

Открытие магазина украшений из черного гагата в Лондоне планировалось на октябрь, но готовиться к долгожданному отъезду мистер Годфри начал уже с июля. Лето 1830 года выдалось необычайно холодным и влажным, пронизывающий морской ветер немилосердно дул в окна, а стены и потолки домов вновь предсказуемо покрылись плесенью. Как мрачно было на все это смотреть! Джон Годфри, всегда слишком легко простужавшийся, уже несколько раз чувствовал, как его состояние ухудшается, а жар вот-вот готов в очередной раз свалить его в кровать на пару недель, и потому он ждал своего отъезда из постылого родного города все сильнее.

В том же году забастовки и мятежи, сотрясавшие страну, кажется, достигли своего апогея. Атмосфера была накалена до предела. Рабочие по-прежнему негодовали на машины и механизмы, которые, согласно газетам, совсем скоро «позволят работодателям полностью обходиться без вас»⁵. Все лето негодующие люди то громили молотилки, то сжигали работные дома и амбары для сбора десятины – символы тирании простого человека власть имущими.

Словно для того, чтобы потрясти и без того тревожное население еще сильнее, в сентябре открыли первую в стране железнодорожную линию Ливерпуль—Манчестер. Это событие, безусловно, носило крайне торжественный характер (в процессии приняло участие целых восемь поездов сразу!), но было оно также омрачено и несчастным случаем (Уильям Хаскиссон, член парламента, несмотря на требования соблюдать безопасность, покинул вагон, в результате чего попал под следующий по другому пути поезд и вскоре погиб).

⁵ Union Pilot and Co-operative Intelligencer, профсоюзная газета, выпуск весны 1830 года.

Все эти новости тревожили и будоражили, не давая ни на минуту успокоиться. Однако Годфри утихомиривал свои нервы тем, что каждый день напоминал себе по много раз, какая чудесная новая страница в жизни его ожидает.

Наконец, настало время собираться в дорогу. О, радостное предвкушение! Ему не терпелось покинуть Уитби, покинуть дом, почти полностью оккупированный семейством брата, и начать новую жизнь в огромном городе, полном возможностей. В городе, где никто его не знал. В городе, где наверняка обитало столько его единомышленников! Конечно же, мистер Годфри уже написал письма членам Общества Антикваров, делясь своими планами и надеждами по приезде как можно скорее вступить в их ряды. Ах, как же здорово будет, когда все это случится наяву!

Он сложил в саквояж свою лучшую одежду: еще один сюртук (тоже теплый, темный, и длиной чуть выше колен), еще один жилет цвета дождливого неба, черные шелковые ленты-галстуки, теперь завязывающиеся в бант под воротником (хотя белые шейные платки по старой моде были ему более привычны), и вторую пару светлых брюк с застегивающимися под ботинком штрипками – такие брюки относительно недавно сменили бриджи, однако потребность носить под ними шерстяные чулки никуда не ушла. Конечно же, мистер Годфри взял еще и несколько самых любимых книг. И, РАЗУМЕЕТСЯ, он взял с собой и драгоценный кристалл доктора Ди. Мистер Годфри даже упаковал с собой святая святых – чайную пару настоящего веджвудского фарфора! Он купил себе (на сервис целиком не хватило денег) эту пару чашек и блюдце на случай, если когда-нибудь ему придется устроить кому-то настоящее чаепитие по всем правилам гостеприимства. Однако Джон Годфри был одиноким человеком, и каких-либо персон, желающих разделить с ним чаепитие, по сию пору не наблюдалось. Но сам факт обладания столь утонченным предметом, казалось, делал его джентльменом в высшей степени уважаемым.

Не стоит слишком удивляться этому, дорогие читатели. Ведь на примере этой самой чайной пары веджвудского фарфора мы увидим, как те, кто еще в середине XVIII века считались всего лишь ремесленниками, в начале XIX века же достигли определенных высот и начали обзаводиться буржуазными предметами (и буржуазными же привычками). Так формировался будущий английский средний класс, чей уже полный рассвет наступит немного позже, в викторианскую эпоху, подгоняемый неугомонным техническим прогрессом и индустриализацией. И если, вспоминая прежние книжечки, мы не могли бы и представить такого же черноволосого и хмурого мистера Винтерсмита, бережливо упаковывающего фарфоровые блюда, то на примере его племянника всего пятнадцать лет спустя мы уже убедились бы в росте благополучия населения. Однако простите мне вновь эти отсылки к прошлым историям и давайте вернемся в двухэтажный дом-с-магазином на берегу моря в Уитби.

Да ведь именно сейчас там в комнату Джона Годфри, собирающегося в дорогу, вошел его брат Уильям и, вздохнув, сообщил сокрушительное известие.

– Ты не едешь в Лондон, Джок, – просто сказал он.

Брат всегда звал его «Джоком» после того, как когда-то в самом начале службы его назначили под командование лейтенанта из Глазго⁶. Прозвище безумно раздражало, но с Уильямом всегда было проще не спорить. Поморщившись, Джон Годфри поднял коробку с писчими перьями и бутылками чернил, которые собирался сложить в саквояж, и несколько раз моргнул, глядя прямо перед собой. Осознание пришло не сразу.

⁶ Джок – шотландская уменьшительная форма имен Джон или Джек, также являющаяся стереотипным и обобщающим прозвищем всех шотландцев.

– Н-не еду в Л-лондон? – непонимающе спросил он. – Да что ты такое говоришь?

Уильям виновато развел руками:

– Тот парень, который должен был стать нашим деловым партнером, на днях умер. Его сбил экипаж на Пикадилли. Сегодня я получил письмо от его поверенного, и...

– Но... – начал было Джон, бледнея и бешено вдыхая воздух, словно выброшенная на берег рыба, однако брат перебил его:

– Не переживай, Джок, ты не зря тут паковал свое добро аж с лета. Тем более мы с Мэри давно уже хотели дать нашим старшим по отдельной спальне. Так что Марк займет твою комнату, а нам хотя бы будет не так тесно на этаже.

Боже святой. В такой решающий момент Уильям думал лишь о том, как бы комфортнее разместить своих детей в оставшейся жилплощади! И уже имел на это вполне конкретные планы!

– Но что тогда мне делать? – отчаянно вскрикнул мистер Годфри. Его пальцы предательски задрожали, коробка затряслась и в итоге выпала из рук на пол. Один пузырек с чернилами опрокинулся и покатился уже без пробки по полу, оставляя за собой отвратительные черные разводы на паркете.

Уильям подошел ближе и покровительственным тоном ответил:

– Полно тебе. Я же сказал, Джок, не переживай. Помнишь, у меня были договоренности еще с несколькими людьми в других графствах на случай, если с Лондоном не выгорит? Ну так вот, я только что выслал подтверждение одному из них. Ты все равно поедешь представлять наш бизнес. Пусть и не в Лондон, а пока что в Камбрию...

О нет. Если что-то могло сложиться еще хуже, то вот мы здесь.

– ...в Камбрию? – тупо повторил Джон Годфри.

– Там не так уж и плохо, как говорят. Не холоднее, чем у нас...

– В КАМБРИЮ?!?

Конечно, дорогие читатели, Камбрия (официально она тогда называлась графством Камберленд, но ее историческое название и имя в обиходе было другим) вовсе не была плохим местом. Это был край высоких гор и прекрасных видов. Однако для мистера Годфри она моментально стала самым худшим местом на свете, средоточием ада на земле. Ведь если Йоркшир, находящийся на северо-востоке страны, считался отдаленным регионом, то Камбрия, будучи на северо-западе страны, прямо у границы с Шотландией, была САМЫМ ДАЛЕКИМ ОТ ЛОНДОНА местом.

Захолустье, богом забытый угол! Годфри вдруг обуял такой сильный гнев при одной мысли о переезде туда, что он почувствовал, как не то закричит, не то, наоборот, задохнется, и он судорожно вцепился пальцами в узел своего шейного платка, чтобы слегка ослабить его. Еще несколько мучительно долгих мгновений Джон Годфри едва мог сдерживать себя, пока не услышал голос брата, размеренным тоном возвращающий в реальность. Уильям достал из кармана брюк ленту с прикрепленными на нее часами и, удовлетворенно кивнув циферблату, уже давал дальнейшие указания:

– ...так что уедешь, как и планировал, Джок. Только на север, напрямиком в Карлайл. Пробынешь там полгода, посмотришь, как пойдут дела, и потом сразу в Уэльс. Да, тот старый валлиец, слава богу, тоже настроен серьезно, так что до конца следующего года ты останешься там. А дальше уже посмотрим, вдруг сладится и с Лондоном. И еще... Джок, ты будешь любезен успеть уже сегодня на ближайший экипаж, чтобы Мэри отправила поденщицу тут прибраться?

От «Грушевой косточки» отходят дилижансы на север каждый полдень. Успеешь, если поспешишь, не так ли? Нам бы правда хотелось переселить сюда сына как можно скорее, поэтому ты очень нас обяжешь, дружище. От тебя, сам видишь, тут одно лишь барахло да книжная пыль.

Путь мистера Годфри в Карлайл, столицу Камберленда, не был ни приятным, ни быстрым.

Все атрибуты подобного путешествия, а именно – сквозняки в каретах, миазматическая вонь городов по пути следования, сырые комнаты придорожных постоялых дворов, надрывный кашель попутчиков – все это в итоге привело к тому, что мистер Годфри в очередной раз заболел. Его самочувствие было плохим, его настроение – еще хуже, его вещи тряслись и громыхали на ужасных ухабистых дорогах «Старого Севера» (именно таким было историческое название Камбрии, *Yr Hen Ogledd*⁷), а его спина и колени были уже совсем не те, что двадцать лет назад.

Конечно, поначалу, услышав от брата новости о своем новом «порте приписки», Джон Годфри пришел в бешенство. Быстро застегнув саквояж (и едва при этом не выдернув застёжки с его ремней) и накинув верхнюю одежду, он поспешил вниз по лестнице, прочь из дома, и вышел на берег моря, чтобы вернуть себе спокойствие и самообладание. Берег был почти пуст, высокие волны уносили прочь бесконечные рыболовные суда, каждый день отправляющиеся отсюда на свой промысел. Несколько жен рыбаков в пышных стеганых нижних юбках (которые не носили уже лет шестьдесят больше нигде, кроме «рыбацкого» северо-востока страны) и с корзинами в руках шли по бесцветному песку по направлению к пристани. С западной стороны побережья рабочие заканчивали возводить из песчаника длинную дугу нового пирса, на котором также был построен маяк – согласно планам властей, открытие пирса должно было состояться в следующем, 1831 году, и это обеспечило бы гавани дополнительную прибыль от судов, пришвартовавшихся здесь для укрытия от штормов в Северном море...

Едва Годфри ступил на набережную, ноги словно сами повели его на верфь. Ему вдруг отчаянно захотелось узнать, почему же все пошло не так – но он понятия не имел, кого об этом спрашивать. Единственным, кто пришел на ум, был Зеленый Джек, но со времен их последней и единственной беседы прошло уже тридцать лет, и теперь на том месте у моря больше не водилось никаких бродячих прорицателей и в помине. Вместо этого мистер Годфри заметил на том самом месте лишь продавца листовок с нотами и стихами популярных песенок, разложившего свой товар в перевернутом зонтике.

Проблуждав бесцельно по берегу еще четверть часа, мистер Годфри в итоге вернулся домой за вещами, а затем попрощался с многочисленным семейством Уильяма и отбыл восвояси. Добираться до Карлайла предстояло долго и безрадостно.

Единственным, что хоть как-то скрасило его время в той нежеланной дороге, стала, как обычно, книга. Точнее, это были отрывки из труда Уильяма Годвина *«Жизни некромантов, или рассказ о самых выдающихся людях сменяющих друг друга эпох, которые заявляли о себе или которым другие приписывали применение магических сил»*. Сам автор пока еще не опубликовал⁸ этот текст. Однако его отрывками – которые, конечно же, касались доктора Ди – снабдил

⁷ валл. «Старый Север», «Древний Север».

⁸ Эта последняя книга У. Годвина (журналиста, философа и, между прочим, отца Мэри Шелли, написавшей легендарного «Франкенштейна») выйдет спустя четыре года после описываемых нами событий, в 1834 году. В 1835 году на нее напишет рецензию Эдгар Аллан По.

Годфри добродушный мистер Рич: это было что-то вроде прощального подарка с его стороны перед отъездом старого знакомого из Уитби.

Но, увы, ничего нового про ангельскую магию мистер Годфри из этих отрывков тоже не узнал. Автор описывал доктора Ди как чудаковатого и доверчивого человека, обманутого хитрым медиумом-мошенником Эдвардом Келли. Эта версия истории была очень популярна среди антикваров, и, хоть она и не поведала Годфри никаких новых глубин, все же она помогла ему скоротать время в дороге вместе со своими любимыми персонажами.

Когда же он наконец-то прибыл в Карлайл, то деловой партнер Уильяма, мистер Кавендиш, вместе с супругой показали Годфри покои, где ему предстояло жить ближайшие полгода или около того, а также познакомили с местной прислугой.

Спальня Джона Годфри была помечена на двери как «гостевая комната» – неплохая, но не особо вдохновляющая. Она была маленькой, но чистой, и кровать была застелена свежим постельным бельем. В гостевой комнате стоял старый пошарпанный письменный стол, который качался каждый раз, когда мистер Годфри опирался на него, а на стенах висело несколько картин с горными видами Камбрии, которые, судя по досадливым огрехам в композиции и пропорциях, были созданы в самом начале карьеры неизвестного художника. Стены, ковер и покрывало на кровати были разных оттенков синего, удивительно плохо сочетавшихся между собой. Однако вид из северных окон более чем компенсировал интерьер внутри: из своей новой комнаты мистер Годфри мог видеть крыши зданий в городе, извилистую реку Иден, а за ними, в зеленой бесконечности полей и лесов, была уже заметна и сама граница с Шотландией. Окраина страны. В ясную погоду отсюда можно было разглядеть и знаменитый Вал Адриана – римскую стену, возведенную еще в 122—128 годах нашей эры для защиты от набегов пиктов с севера. *Vallum Hadriani*, «Стена Адриана» была самым внушительным античным памятником в Британии – однако мистеру Годфри, обычно очень отзывчивому к памятникам старины, теперь она лишь служила очередным напоминанием о том, насколько далеко он очутился от «южной столицы», от Лондона, о котором он так давно грезил.

На новом месте его также уже ждали письма – видимо, Уильям отправил то, что пришло на имя брата уже после его отъезда, но добралось сюда раньше его приезда. Словно скалящая зубы издевка судьбы, приветствующая его на новом месте, сверкнуло бумажной белизной свернутое в квадрат письмо. Годфри, предчувствуя какой-то очередной подвох, развернул листок:

*«Дорогой сэр,
Лондонское Общество Антикваров радо узнать, что вы почтите наши собрания своим присутствием и даже изъявили желание стать постоянным участником сообщества ввиду вашего скорого переезда в столицу...»*

Строки поплыли перед глазами, а взгляд затуманился сквозь стекла очков. Мистер Годфри в бешенстве скомкал письмо, а через секунду и вовсе разорвал его на мелкие клочки.

О, несчастный день!, подумал он. *Разумеется, эти джентльмены понятия не имели, с каким неудачником они вели переписку все эти годы!*

Знай они, каким никчемным, не представляющим важности человеком он был, они бы и вовсе не стали писать ему никаких писем! И уж тем более не думали бы ждать его у себя в Лондоне.

Но и то были еще не все печали. Ведь, когда мистер Годфри внес в дом свой саквояж, а горничная стала распаковывать те немногие коробки с книгами и другими вещами, которые гость привез с собой, неожиданно она горестно всплеснула руками: «Ох, сэр, вот незадача-то!»

Обернувшись, историк подошел к открытой коробке. Его чайная пара веджвудского фарфора, видимо, не выдержала тряски в дилижансах и теперь превратилась в жалкие колотые черепки.

О, мистер Годфри! Стоит ли нам спрашивать, почему он был так несчастен? Конечно, нет. Перед ним лежали осколки веджвудского фарфора, на прикроватной тумбочке в новой спальне уже громоздились флаконы с лекарствами и микстурами, а в ближайшем обозримом будущем его ожидала лишь однообразная и унылая жизнь в самом отдаленном графстве страны.

Во всех этих треволнениях мистер Годфри, однако, не забыл о другом предмете, который, к счастью, не разделил судьбу фарфоровых блюд. Волшебный синий кристалл доктора Ди, надежно спрятанный среди вещей одного неудачливого историка, покорно ждал момента, когда его вновь вытащат на свет божий и опробуют в деле. Ведь первое имя, произнесенное Джоном Годфри в кристалл, уже пробудило спящий два с лишним века магический артефакт, и он стал постепенно набирать свою силу, являя ее в миру самым наглядным образом.

Ангельская магия началась.

Глава 2

...и я искренне извинился, что не сведущ и не опытен в том, что понимают под магией обыватели.
– *Дневники Джона Ди*

Камберленд и, в частности, его столица – город Карлайл, куда судьба закинула мистера Годфри, был не так уж и плох. Точнее, он был *совсем не плох*, и для человека сведущего обладал выдающейся историей.

Когда-то давно эта область называлась *Yr Hen Ogledd*, тот самый «Старый Север». Древний Север. Бриттский Север. Здесь же находилось королевство Rheged, с черными воронами на своем гербе, а правили этим королевством, если верить легендам, родственники самого короля Артура. Камбрийский язык, ныне считающийся мертвым, являлся старинным кельтским наречием, и в целом этот северный регион представлял собой большой интерес, пожалуй, для любого историка Британии.

Но только не для мистера Годфри. Ни камбрийский язык, ни кельтские древности его не занимали. Будучи исследователем в основном ренессансной и пост-ренессансной эпохи, да к тому же юга страны (ведь королева Елизавета за все время своего правления ни разу не посещала свои земли севернее Линкольншира), он редко читал о Камбрии. А все, что он знал о местной магии, сводилось в основном к деревенским поверьям, собранным в сборниках современных антикваров, и не имело ничего общего с учеными записями в таинственных гримуарах прошлого.

Действительно, какой же магией славилась Камбрия? Что ж, попробуем вспомнить... Здесь издавна были в ходу народные средства вроде бараньего жира для обветренной кожи и припарки с отрубями против фурункулов⁹. Ячмень на глазу тут лечили золотым обручальным кольцом, а от прыщей избавлялись отваром цветков терновника. При боли в горле же камбрийские ведуны рекомендовали привязать кусок бекона к шее при помощи шерстяного носка. Все это наследие фольклора, в принципе, мало чем отличалось от знахарских секретов в том же Йоркшире. И даже местный «аутентичный» счет один-два-три, *yan-tan-tethera*, хоть и происходил от камбрийского языка, однако так же широко использовался для подсчета овец пастухами и в других областях северной Англии, в том числе, опять-таки, в родном мистеру Годфри Йоркшире. Камбрийского дьявола звали «Старый Ник», *Auld Nick* (тогда как, например, южнее, в Кембриджшире, дьявол среди местных звался «Папочка», *Daddy*). Вереск считался в Камбрии растением бедняков, и тут говорили, что «где вереск – там бедность». Годфри было слегка обидно это слышать, ведь в его родном Йоркшире вереск, по поверьям, наоборот, приносил удачу. К тому же тот самый пропавший дядя мистера Годфри, якобы колдун, исчез именно на вересковых пустошах, поэтому историк всегда подсознательно связывал это растение с чем-то волшебным.

Однако это все, как вы уже поняли, касалось только лишь «вульгарных», народных верований и ни на йоту не приближало нашего героя к постижению великих тайн высокой ангельской магии. Мистер Годфри плохо смыслил в народном ведовстве, и даже поверья про фей он воспринимал по-своему, на шекспировский лад: Волшебный народ историк представлял не дикими и непонятными человеку созданиями, а, скорее, духами-защитниками целомудрия и непорочного рыцарства, выписывающими девиз ордена Подвязки цветами. Как видим, картина *магического* мира у Годфри тоже не была похожа ни на что из того, что ему могли бы

⁹ William Rollinson, *The Cumbrian Dictionary of Dialect, Tradition and Folklore* (Dalesman Publishing Co Ltd., 1997).

предложить современники-знахари и иные *«хитрые люди»* или *«жабьи люди»* (эвфемизмы, которыми в Англии называли колдунов). А ни на что, его не устраивающее, он в этой сфере упрямо никогда не соглашался.

В Карлайле он поселился у мистера Кавендиша, зажиточного купца с собственной ювелирной лавкой. Несмотря на отдаленность города от центра страны, лавка Кавендиша славились большим разнообразием товаров – да таким, которому могли позавидовать даже видные ювелиры Лондона.

Чего тут только не было! И стандартные изделия из серебра и золота, и искусные камеи, вырезанные на агате, и даже украшения из других стран. Кораллы мистер Кавендиш покупал у итальянцев, а янтарь заказывал у торговцев из стран Балтии. Теперь к этой коллекции изящных изделий добавились еще броши и кулоны с черным гагатом из Уитби. Надо сказать, что с новым деловым партнером Уильям Годфри не просчитался – Кавендиш выплачивал щедрую долю с продаж и вел дела честно. После непродолжительной переписки с братом Джон Годфри понял, что его визит в Камбрию вместо запланированного полугодия продлится всего три-четыре месяца. Мистер Кавендиш был не из тех людей, за которыми постоянно нужно было следить и все перепроверять. Как только они утрясут все вопросы с поставками и выплатами, Годфри сможет со спокойной совестью уехать отсюда (*о, счастье!*).

Но надо честно признаться, что жизнь в Карлайле оказалась не столь ужасной, как опасался поначалу мистер Годфри. Конечно, это был не заветный Лондон, и конечно, клятый переезд лишил его драгоценных фарфоровых чашек, но *все было не так уж и плохо*. Ведь Карлайл был центральным городом графства, почти как Йорк. Он был явно больше Уитби, а жизнь казалась здесь более оживленной.

И люди (это тоже необходимо сказать) здесь жили неплохие. Они были добры и искренне расположены к мистеру Годфри – особенно миссис Кавендиш, жена его нынешнего делового партнера. Эльза Кавендиш, женщина крайне начитанная, с удовольствием делилась с мистером Годфри познаниями об истории города, а однажды вместе с мужем они даже провели для приезжего экскурсию по руинам замка Карлайла! Даже хозяйская серая кошка по кличке Дымка очень быстро признала мистера Годфри в качестве нового домочадца и часто спала у него на коленях, когда он в некоторые вечера засиживался за чтением перед камином в гостиной.

Миссис Кавендиш и ее супруг обладали обширными познаниями во всем, что касалось истории камней и самоцветов. Честно говоря, их познания в этом были настолько глубокими, что несколько раз Годфри даже ловил себя на мысли показать им синий кристалл доктора Ди и обсудить с ними сей артефакт. Однако это было очень рискованное желание. Он не хотел так сразу навязывать новым коллегам свои склонности к оккультизму (чтобы ненароком их не смутить и самому не оказаться потом в дурацком положении), а потому решил действовать осторожно. Ему, как и всю жизнь до этого, отчаянно хотелось иметь рядом такого человека, с которым можно было бы честно и без утайки обсуждать такие спорные в обществе вещи, как магия. Но он снова и снова повторял себе, что его интересы нежелательны, что они будут отвергнуты, будут восприняты как ужасное вторжение, и поэтому он почти всегда об этом молчал.

Однажды вечером, когда мистер Кавендиш ушел по делам к старому знакомому, а его жена и мистер Годфри пили чай после закрытия лавки (из фарфоровых кружек, однако, увы, не веджвудских), последний наконец-то спросил, не имеет ли госпожа интересов к XVI веку и к эпохе Тюдоров в целом.

Поставив чашку чая обратно на блюдце, миссис Кавендиш поправила на своих плечах кружевную пелерину и задумчиво покачала головой:

– Тюдоры? Боюсь, что нет... Лучше бы вам, сэр, обсудить это с мистером Праттом.

Это имя ничего не говорило мистеру Годфри. Он мало с кем успел свести знакомства, поэтому решил попробовать еще раз с теми, кого знал:

– Но... а как же добрая королева Бесс¹⁰, мэм? Говорят, что персонаж Просперо из «Бури» Шекспира был списан с ее придворного астролога¹¹. Вам разве не нравится эта пьеса?

К сожалению, при всех ее достоинствах, к елизаветинской драматургии Эльза Кавендиш тоже была равнодушна. Однако она искренне попыталась оставаться полезной и дала гостю совет:

– Боюсь, я не знаю, сэр, что вам об этом ответить. Сходите как-нибудь в соборную библиотеку. Там наверняка найдется что-то подходящее для вас.

На том и порешили. На следующий день мистер Годфри встал пораньше и, пока серый осенний день давал хоть немного света из окон (ведь уже был октябрь, и погода стояла пасмурная), он налил теплую воду из кувшина и, поставив перед собой зеркало, начал бриться.

Соборная библиотека! Он улыбнулся против своей воли. *Как же я сам не догадался раньше? Наверняка там хорошие архивы! А раз уж доктор Ди проследил свое происхождение от Родри Великого¹²... Уэльс ведь совсем рядом с Камбрией, и языки их были похожи...* Годфри прополоскал бритву в тазу. *Вдруг ты найдешь в библиотеке что-то про родословную доктора Ди?.. Возможно, ох, даже про магические тайны родных краев доктора Ди!..* В эту минуту мистер Годфри все еще брился у таза и зеркала, и в ходе своих амбициозных мыслей едва сумел удержаться от того, чтобы не шевельнуться и не порезаться при этом.

А после спешного завтрака его предвкушение лишь усилилось. Добравшись до центра города, до прекрасного кафедрального собора, основанного еще в далеком XII веке, с массивной кладкой в нормандском стиле и готическими сводами более поздней постройки, Годфри с благодарностью отпустил кучера и решительным шагом направился в библиотеку. Он был уверен, что столь достойное книгохранилище действительно поможет ему найти что-то по его интересам.

Но, увы, дорогие читатели, в этом деле мистер Годфри потерпел неудачу. Потому что оригинальные средневековые книги были утеряны и, скорее всего, вовсе уничтожены в XVII веке, в период Содружества. Ни одного по-настоящему старинного манускрипта не сохранилось в соборе. Кое-что осталось от каноника Хаттона, изгнанного также во времена Содружества. Хаттон увлекался ранними христианскими писателями, и его коллекция состояла в основном из томов писателей-отцов церкви, опубликованных в изданиях XVI и XVII веков.

Чуть более интересным было наследие епископа Томаса Смита, умершего в 1702 году и завещавшего свою библиотеку кафедральному собору Карлайла. Он был ученым и коллекционером книг весьма широкого круга: от римских миссалов до трудов Кальвина, и, хотя большинство книг в коллекции были по теологии, собрание Смита также включало в себя классических греческих и римских авторов, книги по истории, праву, математике и другим наукам.

Но и это никак не приблизило мистера Годфри к интересующим его предметам. В соборе не было никаких записей о кельтском происхождении доктора Ди, никаких исторических хроник или жизнеописаний тюдоровской эпохи вообще (не говоря уж о книгах по прикладному оккультизму!).

Разочарованный, Джон Годфри уже направился было к выходу, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Смотритель библиотеки только что вышел в общий холл,

¹⁰ Именами «Бесс» и «Глориана» называли королеву Елизавету Тюдор (1533—1603).

¹¹ Многие шекспироведы предполагают, что для создания персонажа Просперо, доброго волшебника, драматург вдохновлялся образом Джона Ди.

¹² Родри Великий, Родри ап Мервин (валл. *Rhodri Mawr, Rhodri ap Merfyn*; 820—878) – знаменитый валлийский правитель, считавшийся «королем бриттов».

поэтому мистер Годфри медленно обернулся и решил проверить, правда ли кто-то еще был в читальном зале. Чутье не подвело его – на самом деле за одним из столов перед открытой книгой сидел мужчина лет сорока с небольшим, почти его ровесник.

Этот человек был светловолосым, с веселой россыпью веснушек на щеках, стройного сложения, и, как и сам мистер Годфри, он игнорировал современную моду на бакенбарды и усы, предпочитая оставлять свое лицо без лишней растительности (поколение Годфри было наименее склонно к подобным украшениям головы – оно помнило, как их отцы и деды еще носили парики, и застало своих детей и внуков, отпускающих окладистые бороды). Сюртук на незнакомце был сложного покроя и пошит из добротной ткани по индивидуальным меркам, а брюки джентльмен носил темные в тонкую светлую полоску – довольно щегольский вариант, особенно для провинциального городка на границе с Шотландией. Казалось, что сама одежда этого мужчины и его присутствие в таком месте представляли собой крайне сбивающее с толку сочетание характеристик.

Тем временем сам незнакомец склонил набок свою белокурую голову и долго смотрел на Годфри. Это тоже очень нервировало.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, сэр? – решительно спросил мистер Годфри, сигнализируя о своем недовольстве, возможно, больше, чем это было уместно.

Глаза мужчины расширились. Он вздохнул, словно собираясь что-то сказать, но передумал, снова выдохнул и кратко огляделся.

– Простите меня, – сказал он наконец. – Я не хотел так сразу навязываться. Я лишь слышал ваш разговор с библиотекарем и могу точно сказать, что вы не местный. Я просто думал, не приехали ли вы случайно из Лондона.

Годфри все еще чувствовал, как тяжесть чужих внимательных глаз давит на него. «*Не приехали ли вы случайно из Лондона*». Какая ерунда. Этот человек был очень плохим лжецом – ведь, несмотря на явно поставленный акцент, выговор у него все-таки прослеживался точно такой же, как у самого мистера Годфри – северный. Трудно было бы представить, что кто-то говорит так на юге, а уж тем более в Лондоне.

Историк покачал головой:

– Боюсь, что нет, сэр. Я родился и вырос в Йоркшире, но недавно по работе переехал сюда.

– Ох. Тогда извините, что побеспокоил вас, – незнакомец слегка кивнул и грустно улыбнулся, после чего склонился над своей книгой и сделал вид, что читает.

Поняв, что теперь уже его, а не незнакомца поведение выглядело не слишком-то вежливым, и совсем не желая прослыть недружелюбным на новом месте, мистер Годфри, поколебавшись несколько мгновений, решил представиться:

– Я Годфри, сэр. Я живу в доме мистера Кавендиша и его супруги. Мы теперь ведем дела совместно.

Тогда светловолосый мужчина поспешил закрыть свою книгу и подняться из-за стола. Он протянул руку и добродушным тоном произнес:

– Правда? О, простите, но я действительно не хотел вас так пугать! Надеюсь, вам хоть немного понравится в нашем старом добром Карлайле. Мистер Кавендиш мой друг, конечно же, и Эльза... – тут белокурый незнакомец вдруг спохватился: – Боже, ну и где мои манеры? Я Пратт, сэр. Стивен Пратт, местный врач. Я живу в ...ли-холле.

Услышав название места, Годфри недоверчиво моргнул. Даже пробыв здесь совсем немного, он уже знал, что это самый внушительный особняк на много миль вокруг.

С каких это пор врачи живут в таких роскошных домах, как ...ли-холл? Странно.

Тем временем мистер Пратт, кажется, уже размышлял над совсем другим вопросом, который не преминул задать:

– Я вновь прошу извинить мое любопытство, сэр, но, как уже признался, я немного подслушал вашу беседу с библиотекарем... Так значит, вы у нас историк, мистер Годфри?

Внезапно Джон Годфри покраснел так, как не должен краснеть ни один мужчина его возраста. Никто, даже мистер Рич, даже Лондонское Общество Антикваров НИКОГДА не называли (и, видимо, не считали) его историком. *О, трогательная доброта!* Неужели именно в Карлайле ему действительно наконец-то повезло с людьми?!

Однако, не желая показывать, какую радость вызвали в нем услышанные слова, мистер Годфри принял как можно более невозмутимый вид, пожал плечами и небрежным тоном ответил:

– Только когда у меня выходной.

– О, тогда вы должны обязательно посетить ...ли-холл. В ваш выходной, конечно же! Я не вынесу недовольства Кавендишей, – Стивен Пратт улыбнулся так искренне и в его взгляде было столько любезности, что, казалось, этого человека наверняка обожал весь город. Тем временем он обошел стол и подошел ближе, а затем, понизив голос, сказал: – Должен признаться, сэр, у меня обширная коллекция вещей тюдоровской эпохи. Если, конечно, вас такое интересует.

Это что, шутка? Он правда спрашивает, интересуется ли тебя ТАКОЕ?!

Годфри откашлялся:

– Сэр, могу вас заверить, что это именно та эпоха, которая интересует меня превыше всего. Видите ли, я изучаю жизнь и труды доктора Ди.

Боже мой, зачем вот так сразу? Ты когда-нибудь научишься молчать? Хочешь показаться безумцем, одержимым мистикой и волшебниками?!

Но, как оказалось, мистера Пратта это признание несколько не смутило. Наоборот – оно его воодушевило:

– Доктор Ди?! Не может быть! Право, я уж и не думал встретить в наших краях собеседника в такой узконаправленной теме, как ангельская магия!

Мистер Годфри нахмурился. Он не ожидал, что их разговор повернет в этом направлении так быстро. Он *не привык* к тому, что подобные разговоры завязываются так быстро.

– А вас... – буркнул он себе под нос, – вас, сэр, что, тоже такое интересует?

Мистер Пратт совершенно непринужденно сдул с лица золотую прядь волос, закрывавшую его левый глаз, и развел руками:

– Не могу сказать, что меня занимает исключительно доктор Ди, если быть честным. Но я неплохо разбираюсь в том времени. Видите ли, мистер Годфри, мое поместье много лет назад принадлежало знатному семейству из Кендала неподалеку отсюда. В общем... – он еще больше понизил голос, словно готовясь сказать самую важную вещь на свете: – Вы, возможно, уже слышали от кого-то в городе, что давным-давно мое семейство было родственно Екатерине Парр.

Стон-стон-стон.

Мистер Годфри напомнил себе, что нужно стоять на месте и не падать.

Екатерина Парр? КОРОЛЕВА Екатерина Парр?!?

Екатерина Парр была последней женой одиозного Генриха VIII. Причем она была единственной женой, пережившей этого венценосного тирана-многоженца. Также она была любящей мачехой для будущей королевы Елизаветы, покровительницы доктора Ди. И да, шестая королева ведь действительно была родом из здешних мест, из Кендала... Это было *изумительно*. Это было почти невозможно!

– То есть вы... – Годфри был поражен до глубины души. – Вы родственны самой Екатерине Парр, сэр?

Стивен Пратт вновь добродушно усмехнулся:

– Скажем так, **очень** далеко родственен. Однако я сумел собрать несколько неплохих образцов, представляющих интерес для историка – публикацию книги королевы в защиту протестантской веры и...

Бедный мистер Годфри, слушая все это, буквально оцепенел. Наконец, он смог вымолвить – и вместе с этим перебить собеседника:

– Простите, сэр, но... но вы не обязаны тратить на меня свое время. Серьезно.

– Но у меня масса свободного времени! – тут же возразил мистер Пратт. – В Карлайле не так много пациентов – многие предпочитают обходиться без врачебных услуг, потому что местные жители редко могут позволить себе подобные траты. И неужели вы думаете, что у нас здесь избыток людей, увлекающихся историей?

Мистер Годфри был в растерянности. Какая, право, удивительная мысль, что он мог получить приглашение от столь родовитой и знатной особы! Тень улыбки мелькнула на его лице. Стараясь звучать как можно мягче, он высказал вслух свои сомнения:

– Видите ли, я боюсь, что вы вряд ли сочтете мою компанию подходящей.

– Отчего же? – казалось, не понимал его мистер Пратт. – Ведь я просто врач.

«Просто врач», живущий в ...ли-холле? «Просто врач» – потомок жены короля Генриха VIII? Ну конечно.

– А я еще меньше этого, сэр, – ответил мистер Годфри. – Я просто помогаю брату с продажей украшений из камня, и иногда сам занимаюсь резьбой по камню для создания этих украшений. А до этого я служил в мореходской навигации.

Почему-то именно последняя реплика вызвала неловкую паузу в их разговоре. Ибо выражение лица мистера Пратта вдруг неожиданно стало довольно печальным. Он вновь внимательно оглядел приезжего и, казалось, пришел к какому-то не слишком воодушевляющему умозаключению. К мысли наподобие:

«Чтоб этот и на флоте? Бедняга.»

Словно прочитав чужие мысли, мистер Годфри пристально посмотрел на него и неожиданно ледяным тоном ответил:

– Не стоит так удивляться, сэр. Я знаю, что не представляю из себя ничего особенного, но я могу работать не хуже остальных.

Мистер Пратт глубоко вздохнул, и выражение его лица стало еще более печальным:

– Простите, сэр! О, я, верно, только и делаю, что с самого начала веду себя просто чудовищно. Упаси господь меня вызвать такие подозрения... – вновь примирительным жестом раскинув руки, он виновато улыбнулся: – Я вовсе не это имел в виду. Я всего лишь удивился и не смог поверить сразу, сколькими навыками, знаниями и талантами вы обладаете! Теперь же я точно понимаю, почему вас так привлекает именно тюдоровская эпоха. Ведь вы и сам **человек эпохи Возрождения**, разве не так?

Мистеру Годфри показалось, что лицо его загорелось так же ярко, как свечи в этом соборном читальном зале. Он нервно сглотнул, ведь теперь ему стало еще более не по себе. Даже после всего услышанного до этого! *Человек эпохи Возрождения!*

Видите ли, дорогие читатели, сам мистер Годфри считал упомянутые «навыки, знания и таланты» (а ими были: торговля полудрагоценными камнями и навигационные расчеты) прежде всего свидетельством своего глубочайшего личного провала. Никак не успеха. Будь он тем, кем он хотел быть (что значит: историком, антикваром, возможно, даже биографом доктора Ди), ему бы никогда не пришлось заниматься ни штурманскими вычислениями, ни тонкостями бухгалтерии. Эти навыки и таланты были *вынужденными*. Мистер Годфри не видел в них свидетельств своей силы. Лишь свидетельства своего невезения и беспомощности перед судьбой.

Однако слова мистера Пратта в его адрес отныне в корне меняли дело! Он вдруг вспомнил о том, что видные личности эпохи Ренессанса, те самые «люди эпохи Возрождения» как раз и занимались самыми разными вещами! Чего стоит Леонардо да Винчи, одинаково успешный и в инженерном проектировании, и в живописи? А Томас Мор? Юрист, писатель, философ, преданный семьянин, глубоко набожный человек и в то же время – лорд-канцлер государства! Да боже, сам доктор Ди ведь был тем, для кого и картография, и математика, и религия, и магия являлись одинаково важными для гармоничного развития личности науками!

Ох. Какая необычная мысль! Годфри так привык думать о себе плохо, что, как оказалось, он не заметил самого главного. Его жизнь не отдаляла его от доктора Ди. Она его к нему *приближала*. Он любил литературу и историю, и вместе с тем – искусно обращался с цифрами. Он изучал духовные сферы и вместе с тем умел работать с грубой материей, разбираться в добытых из недр земли камнях. Действительно же, все это вместе делало мистера Годфри не менее, а *более* ценным. Делало его *человеком эпохи Возрождения*, как он всегда и мечтал...

Тем временем Стивен Пратт, кажется, припрятал в рукаве козырь даже крупнее предыдущего.

– Или, сэр... – сказал он после небольшой паузы. – Вы, я полагаю, из тех, кого в былые времена называли *вдохновенными меланхоликами*? Я не прав?

– Ох. Вы знаете и об этом? – еле дыша, прошептал мистер Годфри. Воистину, можно было полжизни искать себе собеседников и не находить их нигде, а потом совершенно случайно столкнуться с таким вот золотым умом в – из всех мест на свете! – Карлайле.

Мистер Пратт улыбался совершенно искренне. Его глаза сверкали. Его светлые волосы блестели. А потом...

– Конечно, мистер Годфри, знаю. Будучи медиком, я в том числе много раз читал *De occulta philosophia* Агриппы, и мне всегда было крайне неприятно, как очернили Агриппу (да и доктора Ди, о, разве не так, сэр?) в эпоху Охоты на ведьм, заклеив этих выдающихся ученых мужей дьяволопоклонниками. Я никогда не принимал на веру стюартовскую пропаганду, потому что слишком хорошо был знаком с трудами философов Возрождения. И, да, конечно, я знаю про концепцию божественной меланхолии и про знаменитую гравюру мистера Дюрера. Я уверен, что вы – истинный сатурнианец, ведь, посмотрите, даже ваши цвета – оттенки черного. Что за небесная гармония! А, судя по вашим мудрым речам, сэр, я могу с уверенностью сказать, что вас занимают те самые стремления «вдохновенных меланхоликов Сатурна», как их называли в эпоху Возрождения. Стремления глубокомысленных людей и истинных мастеров своего дела.

Милый Господь на небесах. Все это было настолько неожиданно и настолько поразительно, что, широко раскрыв глаза, Джон Годфри совершенно не знал, что ответить.

В словах мистера Пратта было еще больше доброты и понимания, чем мистер Годфри мог вынести, особенно если учесть предыдущее сравнение с человеком эпохи Возрождения и заявление о причастности семьи к династии Тюдоров. Еще немного, и Годфри почувствовал бы, что рискует сделать что-то очень опасное, например, взять и разрыдаться прямо в соборной библиотеке (*о, и только представить себе такой позор!*).

Поэтому историк некоторое время хранил молчание, слишком ошеломленный, чтобы заговорить. Чуть позже, почти не заметив, как пробормотал кучу сбивчатых благодарностей и попрощался, мистер Годфри, весь пунцовый от похвалы, направился к выходу из соборной библиотеки. Попутно он старался сохранить в памяти, что мистер Пратт, кажется, *действительно хотел* с ним вновь поговорить, и что мистеру Пратту, кажется, *действительно не было дела* до его происхождения, ведь он то и дело повторял: «...поэтому, сэръ, уверяю вас, что ваш визит в ...ли-холл будет в высшей степени желанен! Отправьте весточку, когда вам будет удобно посетить мое скромное обиталище. И, конечно же, передайте наилучшие пожелания мистеру и миссис Кавендиш...»

Они стали периодически видеться.

Когда мистер Годфри впервые приехал в поместье к мистеру Пратту, то его поразило, насколько обедневшими и запущенными выглядели земли, которые когда-то принадлежали самой королеве Англии.

Роскошный некогда парк совсем зарос, никто не ухаживал за растениями, не постригал деревья. Сад перед домом выглядел почти таким же диким и неухоженным, как и уже настоящий лес, раскинувшийся позади дома. В построенном в тюдоровском стиле здании из красного кирпича было несколько очень заметных трещин в стенах. Дымоходы покосились, и почти все окна на первом этаже были заколочены. Комнаты внизу, кроме гостиной и столовой, были попросту необитаемы, а мебель в них была закрыта белой тканью. В некоторых комнатах наверху стоял сильный запах камфары – сундуки, шкафы и комоды там были *настолько* забиты чужими вещами, чья слава пришла на *настолько* былые времена, что их невозможно было продать даже старьевщику. Поэтому теперь оставалось хотя бы просто спасти ткани от моли.

Прислуга мистера Пратта очень сильно сэкономила на угле (хотя Годфри думал, что с женой его старшего брата в этом вопросе не сравнится никто), и в это время года во всех помещениях усадьбы стоял невероятный холод. Сквозь хлипкие, расшатанные оконные рамы и щели в стенах задувал ледяной ветер, и даже чернила в кабинете мистера Пратта превращались в лед внутри чернильницы – их приходилось каждый день отогревать у свечи.

Немудрено, что весь тот пиетет и восторг, который испытал Джон Годфри, услышав о происхождении Пратта в соборной библиотеке, вскоре сменился глубоким сочувствием к новому другу. Пусть предыдущие поколения и не смогли удержать в своих руках благосостояние, дарованное им в прежних столетиях, Стивен Пратт подобного запустения совсем не заслуживал. Он много знал об истории своего рода, о Карлайле и Кендале, и о Камбрии в целом. Это был образованный и утонченный человек с изящными чертами лица, мягкими светлыми волосами и общей приятностью в общении, который, увы, был обречен наблюдать, как все то, что он унаследовал от предков, постепенно приходило в упадок.

Да, дорогие читатели, Стивен Пратт был совсем не богат. Ему пришлось получить профессию, искать себе место и стать врачом, потому что земли его семьи постепенно распродавались. Мистер Пратт действительно жил на свое жалованье медика и бог знает как умудрялся еще исполнять свои обязанности лендлорда по обеспечению рабочих мест в своем доме.

Каждый раз, когда мистер Годфри наносил ему визиты, за столом почти не было прислуги, а обязанности лакея выполнял Симкоккс, дворецкий. Да, ...ли-холл, возможно, когда-то и был (и до сих пор выглядел – правда, издали) самым шикарным домом в округе, но эти времена уже давно канули в лету.

Именно бедственное положение мистера Пратта до странного быстро сблизило его с мистером Годфри. Ведь тот поначалу переживал, как может его компания приглянуться столь знатному человеку. Оказалось же, что мистер Пратт вовсе не был снобом и ценил людей прежде всего за их человеческие качества, а не за положение и богатство. Поэтому вскоре он и Годфри перешли на «ты» и стали обращаться друг к другу по имени, словно давние знакомые.

Ох! Какая радость была обсуждать различные интересные вещи со столь чутким слушателем и собеседником. Видите ли, Джон Годфри уже много лет опасался, что без общества единомышленников или хотя бы просто людей гуманитарного склада ума, он и сам потихоньку коснеет и дичает. Конечно, был мистер Рич, с которым можно было периодически обсуждать доктора Ди, но, разумеется, познания обыкновенного нотариуса о елизаветинской Англии и Тюдорах не шли ни в какое сравнение с тем, что мог поведать об этом наследник тюдоровской королевы, Стивен Пратт.

В одну из их последующих встреч мистер Годфри задал вопрос о семье врача. Ведь мистер Пратт не был женат. Кто же тогда должен был унаследовать ...ли-холл в будущем, если Стивен так и не женится?

Наполнив два бокала вином (без него согреться в этом доме осенью было попросту невозможно), врач принес их к столу, за которым они сидели. Это был карточный стол, однако никаких карт тут не было – вместо них на столе громоздились книги о тюдоровской Англии, которые мистер Пратт одолжил на время историку из своей домашней библиотеки и сегодня получил обратно.

Откинувшись на спинку стула, Пратт пригубил вино и, выждав паузу, ответил:

– Вообще-то, после всех последних перестановок в праве наследования, поместье отойдет моему кузену, когда тот достигнет совершеннолетия. Его семья владеет довольно крупным капиталом, и грех не использовать его во благо усадьбы. Мне же придется оставить ...ли-холл и переселиться неподалеку в местечко попроще. Так будет, если я не сумею найти себе выгодную партию и жениться – что уже крайне маловероятно. Возможно, оно и к лучшему. Я ведь всегда ощущал себя здесь на птичьих правах, знаешь ли. То, к чему я стремился, и чему хотел посвятить жизнь, моим родным не казалось достойным, – он вновь сделал глоток вина и вдруг посмотрел мистеру Годфри прямо в глаза: – А ты?

– Что я? – не понял Годфри.

– Твои родные разделяли эти интересы?

Тоже отпив вина, историк почувствовал, что вот-вот поперхнет:

– Боже упаси, нет! Мой брат... – он перевел дыхание, – мой брат не самый простой человек, с которым было бы легко поладить. К счастью, у него нет такого поместья, как у тебя, – мистер Годфри фыркнул, – иначе бы меня оттуда выгнали еще давным-давно. А так мне хотя бы удалось продержаться в своей угловой комнате в Уитби.

Сказав это, он рассмеялся. Действительно, как же легко и успокаивающе было делиться своими горестями с тем, кто испытывал схожие трудности, и кто мог бы все понять без объяснений!

– Значит, вообще никого близкого по духу? – мистер Пратт выглядел обеспокоенным. – Столько знаний пропадают зря, когда ими не с кем поделиться!

Годфри снова ухмыльнулся. *Ох уж этот человек, правда!* Годфри не планировал говорить о таких вещах, и тем более он не хотел обсуждать это в чужом городе, где только-только

наладил работу. Но то ли вино, то ли искренняя заинтересованность собеседника в его жизни в конечном итоге развязали мистеру Годфри язык и сподвигли признаться:

– Ну, в детстве мне рассказывали, что брат отца, будучи совсем юным, однажды ушел на вересковую пустошь и больше его никто никогда не видел. Потом говорили, что в Уитби появился колдун, продающий морякам узлы с попутным ветром, и что этот колдун выглядел точь-в-точь как брат моего отца, который пропал. Но это вряд ли могло быть правдой, потому что колдуна уже звали как-то иначе. Меня же назвали в честь его настоящего имени, точно так же – Джон Годфри. Может быть, он был бы мне близким по духу? Может быть, это что-то, что я унаследовал от него? Что-то про настоящее волшебство?..

Эту историю о пропавшем дяде-колдуне мистер Пратт не знал и сейчас слышал ее впервые. Поэтому, прежде чем задать вопрос, который назревал в его мыслях с самой первой встречи, он вновь потянулся за бокалом и сделал несколько больших глотков сразу. Крепкое вино согрело его изнутри, слегка обожгло горло и заставило конечности испытывать легкое покалывание. Он наблюдал, как мистер Годфри откинулся на спинку стула у карточного столика, снял свои очки и прикрыл глаза, словно был очень уставшим. Нужно было попытаться успокоить инстинктивный зуд в своих пальцах, чтобы не протянуть руку и не убрать налипшие черные волосы со лба мистера Годфри, вечно падающие вперед и закрывающие половину его лица.

Стивен Пратт сделал глубокий вдох, потом еще один. Затем он откашлялся и как можно более аккуратно спросил:

– Это же можно проверить, да? Ты пробовал что-то из этой... ну... – тут он уже сам густо покраснел и опустил взгляд, прежде чем закончить предложение, – *практической магии*? Как доктор Ди?

Что говорить, вино и обильное угощение накануне действительно сделали собеседников куда более фамильярными и куда менее скептическими касательно некоторых вещей, которые они, будучи в трезвом состоянии, конечно же, вслух не одобрили бы.

Годфри открыл глаза и смущенно улыбнулся половиной рта:

– Что ж... В юности я заплатил одному шарлатану за предсказание. Брат задал мне знатную трепку, когда узнал, кому я отнес карманные деньги. И я больше не подходил к верфи до тех самых времен, пока не устроился работать там в навигаторский штаб.

Теперь уже они оба рассмеялись. Смех уводил прочь стеснительность и робость, делал ситуацию проще, понятнее. Мистер Годфри, выпив куда больше, чем обычно, вдруг почувствовал, как вся энергия бодрствования утекает из него. Его веки отяжелели, и он зевнул.

– Не могу поверить, который уже час, – заметил Пратт, услышав, как часы пробили десять. – Симкокс скоро придет убрать со стола да выгонит нас отсюда. Так поздно мы еще не засиживались. Хотя чему удивляться? Приятная компания, как известно, имеет такой эффект.

– Ты уверен в себе, – пошутил Годфри, и врач поймал его взгляд с улыбкой, которая, казалось, открывала какой-то секрет.

– А у тебя разве нет причин быть уверенным в себе? – спросил Стивен Пратт тоном более мягким, чем обычно. – Я уверен, что кроме дяди-колдуна и консультации у шарлатана тебе явно есть чем похвастаться еще.

Мистер Годфри вздрогнул, его щеки загорелись так, что ему показалось, что они, должно быть, светятся. Эта тема была чем-то, что он еще не успел сформулировать в своей голове, чем-то, что он и не надеялся, чтобы они обсуждали так скоро.

– Есть, – признался он и закусил губу. У него закружилась голова, не столько от вина, сколько от шокирующего признания: – У меня есть одна вещь. Я выкупил ее у Лондонского Общества Антикваров. Она... она правда выглядит похожей на нечто магическое, – высказав это, Годфри перешел на шепот: – Я почти уверен, Стивен, что таковой она и является.

Воздух между ними стал таким густым, а тишина – чуть ли не звенящей, что, казалось, само время остановилось и замерло здесь и сейчас.

– То есть ты хочешь сказать, – спросил Пратт тоже тихим голосом, не сводя обеспокоенных глаз с собеседника, – что владеешь неким *колдовским артефактом*?

Мистер Годфри дернулся от этих слов, словно от пощечины, и резко встал, ссутулив плечи, словно желая казаться менее заметным. Голова по-прежнему кружилась, однако, уже начав разговор, он словно совершенно не мог больше сдерживаться. Он принялся объяснять:

– Ну... Возможно. Это кристалл, понимаешь? Каменный шар. Вроде тех магических зеркал, о которых писал Ди – кристалл, в который нужно смотреть или произносить заклинания...

Тут мистер Годфри замолчал, закономерно ожидая порицания или осуждения со стороны Стивена Пратта. Он был уверен, что такой интеллигентный и образованный человек, как мистер Пратт, обязательно поднимет на смех его признание или же обвинит его в излишней суеверности. В излишней провинциальности. В излишней впечатлительности...

Однако мистер Пратт – о, чудо! – ничего из этого не сделал. Теперь он тоже встал из-за карточного стола, поправил жилет и пригладил свои белокурые волосы.

– Правда? – спросил он, подойдя вплотную, и тут его голос стал грубым, как жернов. Годфри же вновь надел очки и с удивлением увидел в глазах друга какие-то дикие искорки, когда тот продолжил: – Это звучит очень интригующе, Джон. То, что ты человек многих тайн, я понял сразу. Но *такая* тайна стоит десятка других, согласен? Ты покажешь мне тот кристалл? Если, конечно...

Разве мог мистер Годфри отказать этому человеку после всей доброты и гостеприимства, которые тот проявил? Не мог. Никак не мог.

– О, конечно! – с готовностью ответил он. – Я старался не трогать его лишний раз и не хотел бы везти его в карете, но ты... Ты можешь навесить Кавендишей и заодно посмотреть на кристалл у меня, если захочешь.

Но, едва он это произнес, как его тут же охватило странное чувство, будто он сделал что-то настолько глубоко неправильное, что это будет иметь последствия куда более важные, нежели те, что случились после его первого эксперимента со священным именем в кристалле.

Тяжелое, гнетущее ощущение мигом схватило его сердце, словно свинцовый обруч, и он совершенно не мог понять природы этого ощущения или же его причины.

Немного позже, вернувшись домой из ...ли-холла, несмотря на очень поздний час, Годфри долго не мог заснуть. Сначала его мысли были заняты этим вечерним разговором за карточным столом, а потом осенняя погода сделала его постель такой холодной, что не спасал даже огонь в камине (Кавендиши не были так суровы, как прислуга мистера Пратта или жена Уильяма, поэтому позволяли в холодное время года отапливать спальню). Когда же он, наконец, заснул, ему снились синие кристаллы, светлые волосы и вересковые пустоши Йоркшира под тяжелым серым небом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.